МАССИМО ВАККЕТТА АНТОНЕЛЛА ТОМАЗЕЛЛИ

25 ГРАММОВ СЧАСТЬЯ

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ЕЖИКА,
КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта жизнеутверждающая история о человеке и маленьком ежике докажет вам, что ни одна любовь не может быть слишком большой, и ни одно существо не может быть слишком маленьким. Итальянский ветеринар Массимо Ваккетта рассказывает о необычайной встрече, изменившей его жизнь. После болезненного развода он чувствовал себя разбитым и подавленным, пока в клинике не появился осиротевший ежонок, который весил всего 25 граммов. Борьба за его жизнь помогла ветеринару выйти из депрессии и обрести новый смысл в своей профессии. Спасая ежика Нинну, Массимо раскрывает свою яркую индивидуальность, и вскоре в его руках один за другим оказываются другие колючие малыши: люди начинают искать необычного ветеринара, чтобы исцелить и позаботиться о самых уязвимых и слабых существах, которых порой никто не замечает.В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Массимо Ваккетта, Антонелла Томазелли
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Эпилог
- Благодарность
- Ссылки
- Иллюстрации

Массимо Ваккетта, Антонелла Томазелли
25 граммов счастья. История маленького ежика, который изменил жизнь человека

Введение

На этих страницах рассказана правдивая история – история Массимо Ваккетты и его ежей. Я встретила Массимо случайно – хотя кто знает, возможно, ничего не происходит просто так – и сразу захотела написать о нем, о его ежином мире и Центре спасения ежей «Ла Нинна». Я написала статью на две страницы для еженедельного журнала «Конфиденце тра мите», с которым сотрудничаю, и она получила широкий отклик.

Затем от издательства «Сперлинг&Купфер» поступило предложение: «Можно ли написать об этом книгу?» И вот она перед вами. Массимо рассказывал мне по телефону обо всем – часами, днями, неделями и месяцами. А я слушала. Рассказывая, он ухаживал за своими ежами – разумеется, ведь у него не было столько свободного времени. Я же просто слушала, внимательно, чтобы ничего не упустить. Даже те слова, которые он не произнес. И особенно его чувства, во всех проявлениях и оттенках, чтобы передать это читателям. Пытаясь не допустить в это невольно что-то свое. Хоть это и невозможно на сто процентов – иногда сердце, тайком, проскальзывает, и ты даже не замечаешь.

Как и он, я люблю животных с самого детства. Мои муж и сын тоже. У нас четыре собаки: Луна, Маре, Блю и Мострилла. И рыжий кот, навещающий нас каждый день. Очарованные, мы всегда встречаем его с распростертыми объятиями. Его зовут Пимки. Еще у нас пятнадцать золотых рыбок в пруду, который мы создали сами. Здесь же поселились несколько лягушек, и каждое лето воздух наполнен их кваканьем.

Мы никогда не видели ежиков в нашем саду, но уверены, что по ночам они выходят побродить там.

Но вернемся к Массимо. Если каждый человек на этой планете уникален, Массимо немного больше чем просто

уникальный. Я обнаружила, что между историями думаю о том, что он никогда не состарится. У него душа поэта и взгляд ребенка. Поэтому он видит прекрасное там, где остальные этого не замечают. Сентиментальный и мечтательный, он не лишен недостатков, которые не пытается скрыть. Сожаления, печали и радости, неуверенность и убежденность. Его стремление делать и отдавать безгранично, пока есть ежи, которые нуждаются в нем. Все время, пока он жив.

Антонелла Томазелли

Глава 1
Ежик, разрушивший стену

Май 2013. Весна была в самом разгаре, но она не трогала меня. Ее виды и ароматы казались блеклыми и далекими. Я чувствовал себя потерянным.

Острая потребность в переменах жгла меня изнутри. Мое желание последовать за мечтой не ослабевало. Несмотря ни на что. Несмотря на раны, которые я получил, и поражения в битвах, которые пережил.

Я смахнул волосы со лба, словно желая отмахнуться от назойливых мыслей, и открыл шкаф. Придирчиво подбирая цвета, выбрал пару брюк, светлую водолазку, пиджак, ботинки, носки. Надел хорошие часы. Посмотрел в зеркало. Все было безупречно, вплоть до мелочей. Я зашел в гостиную. Там была Грета, устроившаяся на диване. Она подняла глаза от планшета.

– Хорошо выглядишь, – довольно сказала она.

Продолжая смотреть на меня, она вдруг стала серьезной.

– Но взгляд у тебя всегда немного грустный. Даже когда ты улыбаешься, – добавила она почти шепотом.

Я вздохнул в ответ.

– Скоро вернусь, – сказал я и вышел, захватив ключи от машины.

Я медленно ехал по дороге, в то время как мои чувства и мысли сменяли друг друга и путались в голове.

> Я был недоволен своей жизнью и работой. Было ощущение, будто на ощупь пробираюсь через пустую, темную комнату, не имея никаких ориентиров. Мне нужно было что-то, что могло меня взбодрить. Что вызвало бы во мне желание жить, чего мне так не хватало.

Грета подталкивала меня, считая, что так помогает. Но мне не хотелось двигаться в том направлении, которое она предлагала. Это нравилось ей, а не мне.

Закончив школу – тогда я еще не был с ней знаком – я решил стать ветеринаром. Всем вокруг, даже мне, мой выбор казался случайным. Но он таким не был. Только потом я понял, что корни этого решения уходят в мое детство. Может, я просто родился с желанием помогать животным. Кто знает?

И все же, проработав ветеринаром несколько лет, я почувствовал, что что-то было не так. Чего-то не хватало. Я ощущал гнет этой объемной пустоты, но не знал, как ее назвать.

Грета прагматично советовала: «Попробуй заняться чем-нибудь другим. Например, ты мог бы начать работать с мелкими животными. Собаками, кошками. Со всеми домашними животными. Ты бы зарабатывал гораздо больше, ты знаешь. И тебе нужно думать о старости. О дополнительной пенсии. Или страховании жизни».

Я как будто говорил с отцом: делай это, делай то. Но я не такой и не был таким. Я полная противоположность того, кто планирует свою жизнь. Это не в моем стиле. Я не мог представить себя засевшим в клинике и снующим туда-сюда между прививками и микрочипами. Я привык к другим ситуациям, более экстремальным.

Но, следуя ее совету, я начал работать в двух небольших ветеринарных клиниках пару раз в неделю. В тот день я ехал в одну из них – должен был подменить на выходных Андреа, владельца. Когда я пришел туда, он поздоровался и начал инструктаж. Он объяснил все, что нужно было сделать, пока мы обменивались шутками о себе и о работе. Перед тем как попрощаться, Андреа показал мне коробку. Внутри было маленькое животное. Крошечное.

– Это ежонок, – сказал он.

Я с любопытством посмотрел на малютку.

– Женщина нашла его в своем саду. Он сирота, – продолжил Андреа. – Она принесла его сюда, потому что не знала, что с ним делать.

Маленькое создание все это время лежало с закрытыми глазами. Его розовая кожа еще не покрылась шерстью. Мягкие белые иголки торчали в разные стороны. Они начинались сразу за его крошечными ушами и спускались вниз по спине.

– Он родился два или три дня назад. Весит всего 25 граммов, – сказал Андреа.

– 25 граммов – совсем ничего, – заметил я.

– Да. Его нужно покормить несколько раз.

– Какое молоко лучше всего подойдет вместо материнского?

– Мне посоветовали козье. Коровье молоко не годится, потому что содержит очень много лактозы, сахара, который ежи плохо переносят. Его нужно выкармливать шприцем, по капле за раз.

– Это что-то новое!

Я взял ежонка и положил на свою ладонь, чтобы разглядеть поближе. Я застыл, рассматривая его передние лапки: своими тонкими пальчиками они походили на маленькие ручки. Меня поразило это сходство. Но, отбросив накатившую на меня сентиментальность, я предложил Андреа, улыбаясь:

– Давай сделаем несколько снимков с ним и выложим их на Фейсбук.

Мы сняли несколько селфи на свои телефоны. Я, он и ежонок. Я и ежонок. Он и ежонок. Выбрали лучшие для публикации. Попрощались. И я отправился домой, где меня ждала Грета.

* * *

Следующим утром я собирался с обычной тщательностью. Надел джинсы и голубую льняную рубашку с воротником на пуговицах. Перебрал свои пиджаки и выбрал один повседневного фасона, но безупречно скроенный. Светло-бежевого цвета. Подобрал к нему лоферы. Придирчиво осмотрел себя в зеркале. Мне было важно, как я выгляжу.

Как мы договаривались, я пошел в клинику Андреа. Прежде всего, мне хотелось увидеть ежонка. Это необычное маленькое создание тронуло меня накануне.

Я открыл дверь и замер. Он плакал. Мягким, тихим писком. Как птенец. Постоянное, тихое всхлипывание с короткими паузами. Оно проникало прямо в сердце. Оно кололо. Причиняло боль. Звук плача, слабый, но душераздирающий.

Маленький ежик плачем просил о помощи.

Я подошел к коробке, наполненной древесными опилками, где он лежал. Достал малютку и положил на стол рядом.

Ежонок был холодным. Это был холод ускользающей жизни, приближающий смерть. Мне было бесконечно жаль маленького зверька.

> Меня охватили чувства, которые были знакомы и одновременно новы, как будто они дремали во мне долгие годы, скрытые или запертые, и теперь освободились. Я привык к страданиям животных,

построив вокруг себя стену, чтобы отстраниться от них. Эта стена рухнула при виде маленького ежика.

Я посмотрел на беспризорника другими глазами. Представил, как он стал сиротой, как его мать, отправившуюся на поиски еды, сбивает машина, возможно, придавив к асфальту. Я представил детеныша в напрасном ожидании, полного страха, вылезающего из гнезда в поисках матери. И в какой-то момент, как гром среди ясного неба, я почувствовал его абсолютное одиночество. Узнал его. Я тоже испытывал это, когда был ребенком.

Глава 2
Одиночество на двоих

Родители моей матери играли важную роль в моем детстве. Они были фермерами. Два приятных, доброжелательных человека, с любовью относившихся ко мне.

Я часто оставался у них, особенно во время школьных каникул, потому что мои родители работали. Бабушка Катерина была простым человеком. Ее можно было читать, как открытую книгу. Она была сама доброта. Ограниченное воспитание и определенный уровень неграмотности в сочетании с менталитетом той эпохи и тех мест не подавили ее мягкости и красоты. Иногда бабушка брала меня с собой в хлев. Когда я был совсем маленьким, она сажала меня в люльку, садилась рядом со мной и вязала, рассказывая мне истории. Я слушал. И наблюдал за коровами и телятами. И за ласточками, гнездившимися там в большом количестве.

Когда я стал чуть постарше, ходил с ней в поле, пытаясь помогать. Потом мы направлялись к деревьям на краю двора. Мы сидели на траве, в тени.

Она доставала завтрак или перекус из корзины, которую брала с собой. Мы ели, окутанные ароматом сена. Вокруг было спокойно. Иногда мы засыпали под звуки сверчков и цикад, и размеренный ритм деревни тех дней, той поры, становился нашим ритмом.

Мой дедушка был удивительным человеком. Он никогда не повышал голос, но был твердым, это проявлялось во всем. Деревенский и в высшей степени порядочный, он обладал острым умом. Никогда не терял головы, всегда сохраняя трезвый взгляд на вещи. Он был спокойным внутри и динамичным снаружи. Активным. У него была астма, и его дыхание сопровождалось постоянным хрипом. После трех шагов ему приходилось на

секунду останавливаться, чтобы отдышаться. Это была огромная проблема, с которой он старался справляться. Мой отец, зацикленный на медицине, всегда был рядом, чтобы подать ему ингалятор, позаботиться о нем. Он говорил: «Я продлеваю ему жизнь». Так оно и было: это очень ему помогало. В доме моих бабушки и дедушки жил также Освальдо, младший брат моей матери. Он был для меня не просто дядей, но и братом тоже. Старшим братом. В конце лета я возвращался домой с мамой и папой. Наши прощания были похожи на похороны. Бабушка плакала. Я тоже.

И все же я испытывал одиночество даже у бабушки с дедушкой. Пустоту. Мои папа и мама часто заезжали вечером повидать меня. Я ждал их. С приходом темноты я в буквальном смысле замирал, приникнув к кухонному окну.

Я взволнованно вглядывался в свет фар каждой проезжающей машины. Ждал в тишине. Я скучал по маме. Очень.

По возвращении домой осенью я снова шел в школу. Я учился в церковноприходской школе под руководством монахинь. Когда звучал звонок, все дети с визгами и смехом расходились по домам. Только я оставался. Длинными, нескончаемыми послеполуденными часами. До половины пятого или до пяти часов вечера, когда за мной приходила мама. В школе я тоже ждал ее у окна. Часы тянулись бесконечно. Я был совсем один. Часто рисовал. Сестра Франческа говорила, что у меня получалось хорошо. Каждый раз, когда она смотрела на мои рисунки, на ее лице появлялось удивление.

В хорошую погоду мне разрешали подождать в школьном дворе. Мне там нравилось. Позади двора был сад, где я катался на велосипеде. Туда-сюда. И кругами. Вперед, назад и вокруг. Иногда я останавливался, одной ногой опираясь о землю, другую оставив на педали, чтобы полюбоваться бабочкой. Или бросал велосипед и гонялся за ящерицей. Я наблюдал за муравьями и другими насекомыми, названий которых не знал. Каждый день – похожий на остальные, и каждый день я боялся, что мама не придет. Никогда.

Затем она появлялась. Я бежал ей навстречу. Она улыбалась и обнимала меня. Сажала меня на сиденье своего велосипеда и катила его, идя рядом. Так мы добирались домой и по пути обсуждали свой день. В июне учеба заканчивалась. Но родители не отправляли меня сразу к бабушке и дедушке. Я оставался в школе до ее полного закрытия на лето. Я был единственным ребенком, который оставался.

* * *

Целыми днями я катался по двору на своем велосипеде BMX. Вперед, назад, по кругу и мимо каштанов.

Я всегда боялся потерять ее, мою маму. Я перенял это от отца: он был ипохондриком, и почти все его разговоры сводились к болезням и смерти. Каждый день у него появлялась новая. «Уверен, что у меня рак. Я не доживу и до тридцати», – заявлял он.

Я был ребенком. Со временем я понял его проблему. Но не тогда. Я верил, что он на самом деле умрет к тридцати годам. Меня переполняла печаль. Я постоянно чувствовал его тревоги. Они становились моими, и я проецировал их на свою мать. А еще папа с мамой не ладили. Они грозились разойтись. Для меня это было ужасно. Я боялся разлуки с ними. Да, меня с ними должны были разлучить развод или болезнь. Одно из двух. Это было неизбежно. И в моем детском сердце был страх. Мое детство было омрачено этим страхом разлуки. Опустошения. Одиночества.

Там, в клинике Андреа, в то субботнее утро, увидев плачущего ежонка, я сразу почувствовал его страхи и его отчаяние. Потому что сам их испытал.

Глава 3
Минус один грамм

У этого маленького зверька больше никого не было на всем белом свете. Только я мог ему помочь. Я обнаружил, что впервые в жизни разговариваю с ежиком:

– Я не покину тебя, крошка. Не оставлю тебя здесь, в этой коробке на голодную и холодную смерть. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тебя.

Мне нужно было думать быстро. Во-первых, было жизненно важно его отогреть, поэтому я наполнил бутылку теплой водой и положил ее у него за спиной. Затем кинулся к своему ноутбуку. Мне нужна была более конкретная информация. Я абсолютно ничего не знал о ежах, кроме каких-то элементарных вещей. Я начал поиски в интернете и нашел форум о ежах. В контактах был указан номер некой Джулии. Я позвонил ей, но никто не ответил. Один раз, два, три раза. Тишина.

Стало тревожно.

Наконец она ответила. Я обрушил на нее поток слов, одно за другим практически без остановок:

– Джулия, меня зовут Массимо, у меня тут ежонок весом двадцать пять грамм, я нашел его вчера, мы даем ему козье молоко, но у меня впечатление, что оно не помогает, – короткая пауза, чтобы сделать вдох. – Теперь малыш совсем замерз, думаю, его нужно как-то лечить, но я не знаю как, помогите.

Ее нежный голос и спокойный тон, казалось, были созданы только для того, чтобы меня успокоить. Она начала говорить мягко, но четко:

– Что ж, интуиция вас не подводит, козье молоко – не лучший вариант. Оно утоляет жажду, но, увы, недостаточно питательное. Молоко ежихи гораздо более насыщенное, оно богато белком и жиром и почти не содержит сахара. Вам нужно давать ему смесь для щенков. Но не любую. Подходят только две. Ни одна из них

не заменит материнское молоко, но они лучше козьего. Возьмите одну из них.

– Где мне их найти?

– Во многих зоомагазинах. Даже в некоторых аптеках.

– Понятно. А как мне его кормить? Инсулиновым шприцем? Из бутылочки?

– Инсулиновый шприц подойдет. Убедитесь, что молоко попадает, куда надо. Ежик может умереть от аспирационной пневмонии. Вы должны кормить его очень медленно. Затем вам надо помассировать область его гениталий, чтобы стимулировать кишечник. Так бы сделала его мама. Вы должны ухаживать за ним так, как это сделала бы она. Но, поскольку вы не еж, – она остановилась на секунду, усмехнувшись, – возьмите мягкую тряпочку или лучше ватный диск, которым снимают макияж. Налейте на него немного масла, оберните вокруг своего пальца и мягко помассируйте его. Это очень важно. В первые три недели жизни примерно ежики не могут сами опорожнить свой кишечник и мочевой пузырь, и, если им не помочь, у них может возникнуть опасная непроходимость.

Джулия продолжала, пока не сообщила всю основную информацию. Это был единственный раз, когда мы разговаривали. Потом мы общались, хоть и часто, только по электронной почте.

Повесив трубку, я начал искать в интернете зоомагазины, склады и аптеки. Я сделал столько звонков, что сбился со счета, но смесей для щенков, которые рекомендовала Джулия, нигде не было. Некоторые из обзваниваемых даже никогда о них не слышали. Наконец, поставщик из Флоренции сказал мне, что может одну достать, но она придет не раньше среды.

– Никак нельзя доставить ее быстрее? – умолял я.

– Сегодня суббота. Я не могу сделать заказ до утра понедельника. Отправлю ее курьером. Больше ничем не могу помочь.

Я покорно вздохнул. Оставалось только ждать.

Пока продолжу давать ежику козье молоко, возможно, немного чаще прежнего.

* * *

Я забрал малыша домой. Грета встретила меня с любопытством.

Рассказывая ей всю историю, я взял картонную коробку, застелил дно мягким полотенцем и посадил туда кроху. Но

сначала снова его взвесил: все так же 25 грамм. Что ж, по крайней мере, он не потерял вес. Я положил заново наполненную бутылку с теплой водой рядом с ним. И хотел укрыть его одеялом, но Грета возразила: «Нет, это слишком. Он задохнется!» Я послушал ее по большей части, потому что не хотел терять времени. Мне нужно было покормить это создание. Я взял иглу-бабочку, которую обычно используют для капельницы, и отрезал кончик от соединительной части иглы на шприце, оставив сантиметр, так что получилась своего рода крошечная соска. Я убрал иглу, надел на шприц соску и набрал в него молока.

Джулия объяснила мне, как держать ежика во время кормления. Я положил его на стол, прижимая его своей левой рукой так, чтобы его передние лапы были вытянуты, а задние согнуты. «Как собака, лежащая на спине с поднятой головой, чтобы было понятно», – сказала она.

Я осторожно обхватил пальцами его шею, чтобы он не крутил головой. Правой рукой поднес шприц к его рту. Я давал ему молоко каплю за каплей, подстраиваясь под его скорость, максимально осторожно: капля, глоток, еще одна капля. Я не хотел, чтобы оно попало не в то горло, потому что осознавал риск аспирационной пневмонии – это очень серьезное и практически всегда смертельное заболевание. Я толкал поршень шприца, давая ему 0,1 кубического сантиметра за раз. Должно быть, ежику было трудно держать во рту кусочек резины вместо маминого соска. Но мне тоже было непросто. Мои руки привыкли к большим животным и 150-миллилитровым шприцам.

Я кормил его минут двадцать, не меньше. И продолжал ухаживать за ним, неукоснительно следуя указаниям Джулии, пока Грета с изумлением наблюдала. Ее тоже тронул и очаровал необычный и беззащитный маленький зверек.

Затем я вернулся в клинику Андреа, чтобы закончить необходимую работу, периодически заезжая домой проведать ежика. День пролетел как одно мгновение. Мне предстояла необычная ночь: нужно было завести будильник через каждые два-три часа, потому что таких маленьких детенышей нужно кормить часто.

В воскресенье, около восьми часов утра, покормив ежика еще одним шприцем козьего молока, я понял, что не так уж и устал, несмотря на практически бессонную ночь. Может быть, мое желание помочь маленькому существу было так велико, что свело на нет волнение и усталость. Я принял душ и снова побежал разрываться между домом и клиникой Андреа. Первым делом после завтрака я взвесил ежонка: 24 грамма. Его вес упал. На один грамм. Несмотря на все мои усилия.

Я был очень расстроен и почувствовал себя беспомощным. Волнуясь, я начал взвешивать его до и после каждого кормления. Беспокойство нарастало. Я боялся за жизнь ежонка. Предстояла еще одна неспокойная ночь. Только после трех я провалился в глубокий, крепкий сон. В шесть утра, когда зазвонил будильник, мне показалось, что я лишь на секунду сомкнул глаза, хотя прошло почти три часа. И опять: взвесить, дать козье молоко, снова взвесить, помассировать, наполнить теплой водой бутылку. Я хотел вернуться в постель, но был понедельник – нужно было собираться на работу.

* * *

Я специализировался на коровах. Акушерство и гинекология были моим коньком, роды – моей страстью. А в это время года обычно рождалось много телят. Как мне удастся наблюдать за коровой в родах и кормить ежонка каждые три часа? Попросить Грету было нельзя. Она оставалась у меня только на выходных, а потом возвращалась к себе и своей работе. Я заскочил в душ. Потоки струившейся воды окончательно меня разбудили. Я спешно надел первую попавшуюся одежду – что не было для меня характерно! – и выбежал из дома. Даже не удосужился посмотреть в зеркало. Мне позвонил фермер, один из моих клиентов. Произошло то, чего я опасался: тяжелые роды у коровы… очень далеко.

Глава 4
От ежика и обратно

До фермы я доехал очень быстро. Но уже на месте понял, что не смогу сделать свою работу так же быстро. Я не успевал к следующему кормлению ежонка.

Мой клиент был опытным животноводом. Он уже пытался оказать помощь матери и детенышу, но без особого успеха. Теленок находился в тазовом предлежании. И он был крупным. Не очень хорошая и не новая ситуация, но в этот раз она была более драматичной. Теленок застрял. Я ощупал его ноги – холодные. К несчастью, они еще и не двигались. Детеныш мог быть уже мертв. Мне надо было действовать точно и быстро. Адреналин зашкаливал.

Первым делом я попросил немного масла, чтобы смазать родовые пути и облегчить выталкивание теленка. Вместе с фермером при помощи нескольких его рабочих мы связали задние ноги теленка вместе двумя прочными полосками ткани и привязали их к толстой пеньковой веревке. Отчаянно сражаясь со временем, я велел остальным:

– По моему сигналу тащите веревку, пока я не скажу остановиться. Затем просто держите ее. Начинайте тянуть опять по моему сигналу.

Мы начали. Я подавал сигналы в ритме схваток матери. Два человека на другом конце веревки усердно и четко выполняли мои команды. Иногда они оступались, но затем снова упирались ногами в землю. Они выбились из сил, но ситуация не улучшалась. Бедная корова устала, как и те, кто безуспешно пытался ей помочь. Но я не сдавался.

Пробуя решить проблему, я нажал на таз теленка, пытаясь повернуть его. Примерно в это же время у коровы возобновились потуги.

– Тащи! Тащи! – взволнованно закричал я.

Мы услышали что-то похожее на треск. Мгновение спустя

двое мужчин с веревкой в руках споткнулись, чуть не упав на спины. А теленок был снаружи. Наконец-то! Но останавливаться и радоваться было некогда: его тело обмякло. Он не дышал, но его сердце билось. Я сразу же вколол ему лекарство и перевернул вверх тормашками, чтобы увеличить приток крови к мозгу и освободить дыхательные пути от жидкости. Одновременно я раздвинул его передние ноги, чтобы расширить грудную клетку и наполнить ее воздухом.

Но теленок не реагировал.

Я положил его на землю.

– Принесите холодной воды, – сказал я.

Намочил его уши и голову, чтобы он очнулся. Но реакции не было.

Маленькая голова повисла. Тонуса не было. Я начал делать ему искусственное дыхание «рот в нос». Выдыхал воздух в одну из его ноздрей, закрывая другую, чтобы вентилировать легкие.

Не сработало. Я отступил, выдохшийся и смирившийся. Ничто и никто в хлеву не шевелился. Все опустили головы перед лицом смерти. Прошло несколько секунд… и тяжелую тишину прервал хлюпающий звук.

Я очень хорошо знал этот звук.

Я обернулся. Теленок вздохнул. Он был жив. Я продолжил его реанимировать, пока дыхание малыша не стало ровным. Затем мы поднесли его к матери, которая начала нежно его вылизывать. С ней он был в безопасности. Но мне некогда было любоваться этой сценой, которая, несмотря на двадцать лет в профессии, всегда вызывала чувство удивления, как в первый раз. Теперь пора было позаботиться о ежике. Нужно было быстро до него добраться. Я немного задержался и пропустил время очередного кормления.

Когда я вернулся, ежик спал. Проснулся он, только когда я взял его в руку, чтобы накормить молоком. Затем раздался телефонный звонок. Звонил мой клиент-животновод. Я включил громкую связь:

– Доктор, все хорошо! Теленок довольно сосет материнское молоко!

> Вот так. В один и тот же момент 25-граммовый ежик пил молоко по капле, а сорокакилограммовый теленок пил его большими глотками.

Жизнь.

Я был счастлив.

Понедельник прошел в ритме перемещений туда-сюда от крупного рогатого скота к ежику и обратно. Как и вторник. Одинаковые, насыщенные дни.

Джулия сказала, что можно увеличить интервал между ночными кормлениями ежика. Но, учитывая непредсказуемый и срочный характер моей работы, я не мог ничего планировать, мне было трудно соблюдать трехчасовой перерыв между кормлениями малыша. Я решил, что компенсирую это строгим соблюдением графика ночью, и предпочел пожертвовать своим сном.

* * *

В течение нескольких дней мой внешний вид заметно изменился. И, увы, не в лучшую сторону. Но впервые мне было все равно. С годами я стал придавать огромное значение тому, как я выгляжу, слишком много думая об этой своей человеческой стороне.

Тетушка Марилена заметила это. На самом деле она не была моей тетей, это я ее так называл. Она была кузиной моего отца. Эта очень интеллигентная и рассудительная женщина с детства оказывала большое влияние на меня. Давала советы, помогала анализировать некоторые мои поступки и принять самого себя. Она страдала от сильного сколиоза. Но относилась с безразличием к своему заметному горбу. Для нее имели значение совсем другие вещи. Она говорила мне: «Массимо, это правда, ты немного нарцисс, но это из-за твоей неуверенности. Ты укрываешься в своем привлекательном, продуманном образе. Или прячешься за ним. В этом нет ничего удивительного. Так ты чувствуешь себя в безопасности и поэтому фокусируешься на этом, но это все пустое, эфемерное. Ты можешь предложить гораздо больше. И если я так говорю, то можешь мне поверить».

Неужели она была права? Когда я открылся ей, то смог откопать свои по большей части похороненные тревоги.

Дело в том, что, кроме моего страха одиночества, разлуки, доставившего мне столько страданий в детстве, была еще отцовская критика. Он всегда говорил мне, что я могу быть лучше, что мне нужно больше стараться.

Конечно, он не хотел мне навредить. На самом деле он считал, что подталкивал, подбадривал меня. Но все же моя самооценка падала ниже плинтуса. Я уверен, что он этого не понимал. Он подталкивал меня как раз потому, что верил в мои способности, но тогда я этого не осознавал. Будучи ребенком, я воспринимал некоторые вещи иначе. Мой отец по-прежнему немного беспокойный и мнительный, но теперь я пытаюсь с ним спорить: «Папочка, перестань чувствовать себя неизлечимо больным. Тебе почти семьдесят лет. Ты говорил, что умрешь до

тридцати лет. А потом до сорока. Затем до пятидесяти. Но ты все еще жив. Расслабься!» Но я произношу эти слова с любовью. Я искренне хочу, чтобы он не волновался. Чтобы жил спокойной жизнью.

Тетушка Марилена говорила мне:

– Сосредоточься на своих достоинствах.

– У меня их нет.

– Неправда! Мы все должны находить и развивать свои положительные черты. Во-первых, ты очень чувствительный. Помни, тебе никогда не нужно ничего делать, чтобы заслужить чье-то одобрение. Ты должен заниматься только тем, что считаешь правильным для самого себя.

Тетушка словно взяла меня за руку и показала, в каком направлении идти.

Глава 5
Мистер Мамочка

Ежик был совсем малюсеньким, с маленьким круглым, немного грузным животиком. Живот так выпирал, что задние лапы ежонка не доставали до земли. Когда он хотел передвинуться, то подтягивался на передних лапах. Мне также казалось, что ежонок слишком часто спотыкался. Я задавался вопросом, было ли дело лишь в диспропорции между его животом и лапами, или причина в небольшой слабости? Мои сомнения усугубляли ситуацию.

Пребывая в постоянном волнении, я спросил у Джулии, помогут ли ему витамины? Она написала, что спросит у мужа, Джерарда – признанного эксперта по ежам. В итоге мы решили дать зверьку несколько капель сиропа с витамином В.

Сколько мог продержаться этот малыш?

Он не сдавался, и его борьба наполняла меня эмоциями. В среду, наконец, доставили смесь для щенков. Ее приготовление могло быть простым делом для любой матери, ухаживающей за новорожденным, но не для меня. Неуклюже и ничего не зная – хорошо, что Джулия помогала мне объяснениями и советами, – я брался то за молоко, то за травяные чаи, то за миндальное масло, делая все, на что только способен ветеринар, чьей специализацией был крупный рогатый скот. Но все равно, я был как слон в посудной лавке из той пословицы. И все казалось слишком маленьким для моих больших рук. Начиная с ежика.

Джулия написала в письме:

«Приготовь чай, заварив семена фенхеля в горячей воде. Оставь настаиваться на 10 минут. Когда настой остынет, налей немного в кружку. Затем добавь смесь в порошке. Тщательно размешай, пока не останется комочков. Когда смесь по консистенции будет похожа на сливки, вмешай остальной чай, но

сначала подогрей. Опять помешай, и молоко готово.

Чтобы поддерживать нужную температуру во время кормления, полезно – но не обязательно – держать смесь на водяной бане; то есть помести чашку в небольшую миску с горячей водой. Обрати внимание: правильное соотношение – одна часть смеси на две части чая из фенхеля. Для начала, но только в первое время (24–48 часов), можешь приготовить раствор послабее».

Я в точности следовал этой инструкции. И непосредственно перед тем, как дать малышу его «бутылочку», капал несколько капель на запястье, чтобы проверить температуру. Я потихоньку становился настоящим Мистером Мамочкой!

Приготовленное молоко можно было хранить в холодильнике двадцать четыре часа. Но я предпочитал каждый раз готовить свежее. Джулия объяснила, что смесь лучше разбавлять не водой, а чаем из фенхеля, чтобы избежать метеоризма, опасного для ежонка. Но даже с этим новым молоком мы не изменили свой привычный распорядок: каждые три часа я взвешивал ежика, готовил ему смесь, кормил из маленького шприца, снова взвешивал, немного массировал его животик и клал рядом с ним бутылочку с горячей водой.

Как и предсказывала Джулия, при правильном питании кроха начал поправляться. Он спал и ел, ел и спал. Я наблюдал за ним, и на глаза наворачивались слезы. Он часто лежал на боку, расслабившись. Его крошечный рот, казалось, расплывался в улыбке. Обычно он скрещивал передние лапки под подбородком, сложив их, словно маленькие ручки. Это выглядело очень мило. Или он лежал на боку с вытянутыми передними и задними лапами. И был похож на подставку или мостик.

Часто, просыпаясь, он потягивался и зевал. У меня это вызывало смех. Он вытягивал свои передние лапы и одновременно широко открывал рот, и можно было увидеть, как разворачивалась полосочка языка, тонкая, словно розовый лепесток. Это было так трогательно, меня это очень умиляло.

Каждый раз, держа его в руке, я поражался, каким он был мягким. И мне нравилось ощущать нежное прикосновение этих маленьких ножек к моей ладони, похожее на прикосновение шелка.

Одной немало удивившей меня находкой были пятна на его животе. Я присмотрелся поближе и понял: кожа на его животе была настолько тонкой, что через нее все просвечивало, как через оберточную бумагу. Когда его желудок наполнялся молоком, слева появлялось белое пятно. Его было отчетливо видно – оно походило на мешочек. Пониже, с правой стороны, было темное,

почти фиолетовое пятно. Это был его мочевой пузырь, наполненный мочой. Эта прозрачность еще раз напомнила мне о необыкновенной хрупкости ежонка.

Так или иначе, казалось, что все шло прекрасно. Но однажды, когда я зашел домой покормить ежонка, я подошел к его коробке, и внутри меня все похолодело: белая салфетка на дне его коробки была окрашена подтеками крови. Красные полосы во всех направлениях. Мое сердце замерло. Мой взгляд застыл в попытке осмыслить увиденное. Я взял ежика в ладонь. Возможно, кровь шла из его хвоста, но я не был в этом уверен. Рядом были гениталии и анус. Было непросто определить источник кровотечения. В расстроенных чувствах я связался с Джулией. Я отправил ей фотографии ежонка.

Она ответила быстро:

«У него кровоточит хвост. Там раздражение из-за высокой кислотности ежиной мочи. Джерард говорит, что тебе нужно хорошо очищать это место и наносить крем с антибиотиком».

Я бросился лечить ежика и, только завершив все процедуры, заметил еще одно письмо от Джулии.

Я сразу же прочитал его, и улыбка расплылась на моем лице.

«Массимо, я получше рассмотрела фотографии ежика «там». Не волнуйся, покраснение скоро пройдет. О, и еще, твой ежик… девочка!»

Девочка! Я еще больше захотел ее оберегать, зная, что это маленькая девочка. Хотя на самом деле это не было правдой – я бы отреагировал точно так же, если бы она сказала мне, что это мальчик. Узнать пол оказалось очень трогательным. Это больше не был просто ежик. Это была девочка. Мне нужно было подобрать ей имя.

Глава 6
Нинна открывает глаза

На следующий день приехала Грета. Мы были знакомы уже больше года, с тех пор как поехали в путешествие по Австралии вместе с группой общих друзей. Мы продолжили общаться по возвращении в Италию и как-то незаметно для самих себя стали парой. Она приезжала каждые выходные, и мы проводили время вместе.

Едва войдя, первым делом она захотела увидеть малышку.

– Она подросла! Да-да. Она стала чуть больше, – сказала она воодушевленно.

Я улыбнулся, не в состоянии скрыть свою радость.

– Я смотрю, она только и делает, что спит, – добавила она.

– Она ест и спит, как все новорожденные.

– Раз она так любит спать, давай назовем ее Нинной, как в колыбельной? Что скажешь, Массимо? Тебе нравится?

Мне понравилось имя Нинна. Тем временем Грета тонким голосом пробовала называть ежонка по имени:

– Нинна! Ниннаааа! Хочешь кушать, Нинна? Хочешь спать, Нинна?

Вот так мой маленький ежик стал Нинной.

Я написал Джулии:

«Нинна начинает открывать глаза!»

В самом деле, щелочка между ее веками становилась все шире день ото дня. Я мог видеть небольшую часть ее глаза. Иногда мне казалось, что через эти крошечные щелочки малышка пыталась посмотреть на меня.

> Сначала ежики различают только черный, белый и несколько других цветов. Но не все. Как бы то ни было, у них не очень хорошее зрение. Но слух и обоняние отлично развиты.

Определенно, Нинна узнавала мой запах, потому что я всегда брал ее без перчаток. Скоро она меня увидит. Примет ли она меня за свою маму?

Джулия сразу ответила на мое письмо:

«Ежики открывают глаза в возрасте двух-трех недель. Это значит, что Нинна немного старше, чем мы предполагали. К сожалению, это также означает, что она была и остается ужасно истощена! Проверь ее зубы, потому что на третьей неделе они начинают прорезываться из десен. А затем тебе нужно будет отучать ее от кормлений из соски. В природе ежики в этом возрасте выходят с матерью из гнезда и учатся у нее добывать еду, роясь в земле».

Я написал ей еще одно письмо:

«В любом случае я думаю, что у Нинны все хорошо. Она очень активная, подвижная и пытается сосать все, что ей попадется. И она шумит: время от времени громко повизгивает!»

Очередной скорый ответ от Джулии:

«Когда ежики «сосут», это означает, что они хотят есть! Нужно давать ей больше молока. И скоро начать отучать от смеси. Пока попробуй дать ей обычное молоко в блюдце. На данном этапе она может научиться есть самостоятельно!»

Мы с Гретой положили Нинну на стол. Она больше не спотыкалась. Смесь и витамины творили чудеса. Мы поднесли ей полную ложку молока. Она сунулась в нее. У ежей очень длинный нос, а рот расположен подальше. Ее нос оказался в молоке раньше рта. Она отскочила назад, разбрызгивая молоко налево и направо. Меня это рассмешило, но в то же время напугало. «Пресвятая Богородица! Она же захлебнется! Она поперхнулась! Молоко попало ей в нос!» Паника. Я отправил Джулии сообщение, и она успокоила меня:

«Ничего страшного! У ежей в носу есть перегородка, которая закрывается, когда это необходимо, и не пропускает жидкость внутрь».

Я почувствовал облегчение. И проверил носик Нинны – драгоценный камень. Он был похож на кусочек лакрицы. Совершенный. Четко очерченные крошечные ноздри выглядели, как будто их нарисовала умелая рука миниатюриста, только еще лучше. Ничто не может превзойти совершенство природы.

Между тем Нинна все еще продолжала отфыркивать капли. В то же время, высунув язык, она слизывала молоко с носа.

Она научилась пить самостоятельно довольно быстро. Мы с Гретой зачарованно наблюдали за ней: Нинна пила немножко, поднимала голову, глотала и снова опускала голову за другим глотком. Плавное движение – гармоничное, продолжительное.

Волна.
Танец.

* * *

В начале следующей недели, по-прежнему тщательно соблюдая указания Джулии, я купил немного сублимированного мяса для котят.

Я читал и перечитывал ее последнее письмо:

«Массимо, я уже хорошо тебя знаю и предвижу твой следующий вопрос:) Когда будешь давать Нинне эту новую еду, не упади в обморок от испуга!!! Хочу предупредить тебя: ты увидишь, что ежик начнет дрожать и затем … плеваться. РАССЛАБЬСЯ! Она может скрутиться и скрючиться, не пугайся! Это нормальное поведение ежа, столкнувшегося с абсолютно новым вкусом. Это называется набрасыванием слюны».

Набрасывание слюны? Меня переполняло удивление и любопытство. Я добавил в обычную смесь мясной порошок на кончике чайной ложки. Перемешал все и выложил стряпню на тарелку. Поставил ее перед Нинной. И шоу началось.

Нинна попробовала. Ее глаза тут же широко распахнулись, и вся ее мордочка сморщилась от калейдоскопа гримас. Я чуть не умер от смеха! Она будто хотела сказать: «Что за ерунду ты заставляешь меня есть?» Затем она немного попыхтела и начала смешивать еду со своей слюной. В уголках ее рта появилось немного пены – слава богу, Джулия предупредила меня, иначе меня бы точно хватил удар – а потом малышка начала корчиться. Она повернула шею и изогнулась. Так она пыталась дотянуться до всей своей спины и размазать пену по хребту. Но, будучи неуклюжей, как все малыши, она заваливалась налево и направо и все время переворачивалась на спину, болтая лапками в воздухе.

> Ежики начинают накидывать слюну еще детенышами и продолжают эту странную практику во взрослом возрасте. Никто точно не знает причину такого поведения. Возможно, так они хотят замаскировать свой запах.

Или, поскольку со временем они начинают очень неприятно пахнуть, возможно, так они создают самодельное средство отпугивания. Кто знает.

* * *

Я начал понемногу увеличивать количество мясного порошка и уменьшать количество молока. Полностью отучить ее от молока было необходимо к возрасту сорока дней. К этому времени я больше не буду давать ей молоко, чтобы не допустить вероятность опасной непереносимости. Нинна продолжала расти и становилась, насколько это возможно, еще прекрасней. В то время как я – после стольких бессонных ночей и дней, проведенных в перебежках между ней и моей работой, – был физически изможден. Похудевший, с темными кругами под глазами, я мечтал проспать всю ночь без перерыва.

Наступил вечер следующей пятницы. Пришла Грета. Она обняла меня и поспешила к Нинне.

– Можно взять ее в руки? – спросила она.

– Лучше не надо. Вдруг уронишь.

Но, будто не услышав меня, она уже положила ее на ладони, поднесла к лицу и нежно терлась носом по ее щеке. Да, признаю, я немного ревновал. Но все-таки я на самом деле боялся, что она может упасть. Я отобрал у Греты Нинну и положил ежонка обратно в коробку. Мне нужно было уйти на важную встречу, но на душе было неспокойно. Я сказал Грете, чтобы она больше не доставала ее, дала ей отдохнуть и что мы покормим ее, когда я вернусь.

Я вернулся немного позже, чем предполагал. В доме стояла тишина, словно никого в нем не было. Я сразу направился к Нинне. Коробка была пуста. Меня охватило волнение. Я нервно бегал из комнаты в комнату в поисках Греты. Я обнаружил ее в спальне. Она лежала в кровати, подложив под голову пару подушек и укрывшись простыней до самого подбородка. Я даже не сказал ей «привет». Вместо этого подскочил к ней.

– Где Нинна?

Мой сердитый вопрос был встречен невозмутимым взглядом. Загадочно взмахнув рукой и приложив указательный палец к губам, она прошептала:

– Шшш! – и откинула простыню.

Нинна спала, свернувшись калачиком на ее груди, ее крошечный рот улыбался, как обычно. Грета прикрывала ее рукой. Я стоял, затаив дыхание. Незабываемая картина. Прекрасная, как полотно художника. Этой крошке нравилось прижиматься.

– Ты понимаешь, что если бы ты заснула, то задавила бы ее? – спросил я, но все мое волнение и гнев уже испарились.

Глава 7
Природа в гармонии

Дядя Освальдо. Длинные черные волосы и пронзительные зеленые глаза. Такие же зеленые, как лес в июне, когда листья приобретают насыщенный цвет и солнце подсвечивает их, согревая золотыми лучами. Когда я был ребенком, он был молодым парнем. Мой старший брат-дядя. Товарищ по играм и приключениям. Вместе мы всегда искали животных, нуждающихся в спасении. Однажды это был птенец, выпавший из гнезда. В другой раз это была бабочка со сломанным крылом. Мы строили для них маленькие домики. Ловили насекомых для птенцов. Приносили букеты цветов бабочкам.

Мы сделали маленький пруд, выкопав в поле яму подходящего размера. Набрали в нее воды – и вот! – получился пруд. Дядя Освальдо брал меня на рыбалку неподалеку. Мы ловили рыбу сетями, часто нам попадались красочные карпы с красными пятнами. Рыба предназначалась для обеда или ужина, но некоторым мы давали отсрочку, запуская их в маленький искусственный пруд. Несколько раз в неделю я доливал туда воду, набирая ее из ручья, протекавшего рядом с домом дедушки и бабушки. Однажды выше по течению какая-то женщина стирала свое белье. Я не заметил, что вода, которую добавлял в пруд, была мыльной. До тех пор, пока рыба не начала хватать ртом воздух на поверхности. В отчаянии я побежал к дяде. Помню свои страдания и чувство вины. Он помог мне переместить рыбу в безопасное место, в бочку с чистой водой. Затем мы вычерпали всю мыльную воду из пруда и заменили ее чистой – долгая и утомительная работа. Зато потом карпы и другая мелкая рыбешка могли снова плескаться в своем доме.

Как-то раз мы с дядей Освальдо нашли двух соек. Обстоятельства этой находки потерялись в тумане смутных

воспоминаний. Помню только, что это были птенцы. Мы поместили их в большую клетку и старательно заботились о них. Мы назвали их Чип и Чоп. Меня восхищал сине-белый узор на их крыльях, их оживленность и внимательный взгляд, но в особенности – их звукоподражание. Они могли имитировать крики других птиц и мой собственный детский смех. Умели разговаривать, повторяя некоторые слова, включая наши имена.

Это было невероятно!

Мы кормили Чипа и Чопа желудями, насекомыми и кусочками мяса.

* * *

Я давал имена всем своим животным, даже некоторым цыплятам, которых держала бабушка Катерина.

Один из них мне особенно запомнился: я назвал его Лимпи. Этот цыпленок едва мог стоять на своих лапах. Они были кривыми, возможно, даже немного деформированными.

– Мне кажется, Лимпи болен. Можно мне о нем позаботиться? Можно, я возьму его себе? – донимал я бабушку.

– Ну, мама, отдай его Массимо, – сказал дядя Освальдо в мою поддержку, – давай поспорим, он сможет его вылечить?

Когда нам удалось ее уговорить, я начал выносить цыпленка на солнце. Каждый день. Я был уверен, что ему это полезно. По вечерам я клал его рядом с дровяной печью. Кормил его и заботился о том, чтобы у него всегда была свежая, чистая вода. Разговаривал с ним. Чрезмерно опекал его. Возможно, даже доставлял ему этим неудобство.

Тем не менее мое сердце и детские способы лечения сотворили чудеса, или мне так казалось. Лапы Лимпи понемногу окрепли. И потом они выпрямились. Он стал увереннее себя держать, затем проходить несколько шагов, делать короткие перебежки. Здоров! Вероятно, цыпленок страдал от какой-то разновидности рахита, которую удалось вылечить. Кто знает, может быть, солнечные ванны действительно пошли ему на пользу.

– Он начал бегать, потому что больше не мог вынести твоей заботы, – пошутил мой дядя, обняв и приподняв меня.

И мы оба начали смеяться как сумасшедшие.

– Бабушка, обещай мне, что мы никогда не съедим Лимпи! – умолял я ее однажды.

Такова была неизбежная участь животных, выращенных на ферме. Она улыбнулась и поцеловала меня в лоб. Чтобы скрепить

обещание.

Еще мы с дядей ходили искать слизней. Точнее, улиток. Он велел мне надевать сапоги, мы хватали пару ведер и отправлялись на поиски. Выходили, когда дождь почти заканчивался. Мы собирали их килограммами. Дома мы отдавали ведра бабушке. Но втайне я пригоршнями отпускал их на свободу. Я боялся, что дядя Освальдо заметит, но знал, что он никогда меня не выдаст и не отругает.

Иногда мы лежали в засаде рядом с птичьим гнездом. Мы лежали неподвижно и молча, наблюдая, как родители кормят птенцов. Замерев, мы не шевелили ни единым мускулом, чтобы не побеспокоить их.

Мне также нравилось наблюдать за пасущимися коровами. Они излучали такую безмятежность и свободу. Этот образ по сей день согревает мое сердце. Это покой. Природа в гармонии.

В детстве у меня было три увлечения: рисование, любование звездами и помощь животным. Я не выбрал искусство или астрономию. Решил учиться на ветеринара.

Я мечтал путешествовать и лечить животных, может быть, в Африке, среди дикой природы.

Или я мог сосредоточиться на крупном рогатом скоте и работать на свежем воздухе, в деревне.

Присутствие дяди Освальдо в моем детстве укрепило мою любовь к животным и природе.

Мой старший брат-дядя покинул нас совсем молодым.

Я представляю дядю Освальдо в раю, в который он должен был попасть. Я представляю его, вижу, как ветер треплет его длинные волосы, его глаза цвета леса, как певчие птицы, воробьи и сойки летают вокруг него и садятся ему на плечи. Сойки болтают с ним и вторят его смеху.

Глава 8
Домик для Нинны

Нинна менялась.

По прошествии нескольких дней на всем ее теле начала расти шерстка, более или менее равномерно. Сначала она появилась на мордочке, по бокам от носика. Она вылезала в виде множества крошечных пятнышек, похожих на пуговки, которые постепенно разрастались. За короткое время ее маленькое тело в некоторых местах стало похожим на карту. Но вскоре, как на поле, где трава растет на глазах, ежик полностью покрылся густой шерстью. Темные иголки уже отчетливо проявлялись на спине. Нос, уши и когти росли. Она утрачивала детские черты и приобретала взрослый вид. То есть выглядела как взрослый ежик в миниатюре.

Я решил, что коробка, в которой она жила, стала для нее маленькой. Между подстилкой, мисками для еды и воды и Нинной оставалось не так много свободного пространства. Я купил клетку – на самом деле кроличий вольер – размером метр на полтора, самый большой из тех, что мог найти. Я установил вольер, застелив дно слоем газет. По-моему, он идеально подходил моему ежику. Она топала туда и сюда, а устав, забиралась под маленькое одеялко, которое я постелил в углу.

Она очень умильно возилась с едой на тарелке. Вся пригибалась к полу и подсовывала свой нос под тарелку. Потом приподнимала ее, и тарелка со стуком падала вниз. Спустя несколько попыток она добивалась своего – и тарелка, и еда были перевернуты. Тогда она выглядела довольной.

Джулия написала мне:

«Сейчас Нинне нужен дом. Возьми картонную коробку. Подойдет коробка от обуви. Вырежи отверстие с одной стороны, чтобы Нинна могла заходить и выходить, когда захочет. В домик хорошо положить полоски бумаги. Можешь использовать нарезанные газеты или пергаментную бумагу. Ежам нравится использовать сено. Ты мог бы достать немного? Если ты

положишь что-то из этого рядом с ее домиком, Нинна заберет это и сама достроит гнездо так, как ей нравится!»

Я сразу же принялся за работу и сделал домик из коробки, по размеру немного меньше обувной, но прекрасно подходящей для ежика такого размера, как Нинна. Когда он был готов, я поставил его в клетку. Нинна подошла к нему с любопытством и в то же время с опаской. Она понюхала его. Осторожно лизнула стены. Затем лизнула увереннее, и еще раз.

Попробовав дом на вкус, она решила посвятить некоторое время набрасыванию слюны, поскольку запах домика был новым для нее. Закончив с этим, она просунула голову в отверстие, подняла домик и проскользнула внутрь. Несколько секунд спустя вышла обратно. Она начала без конца заходить и выходить из него, внимательно и увлеченно изучая его внутри и снаружи. Когда я положил немного сена и полосок бумаги рядом со входом, Нинна брала их в рот и потихоньку перетаскивала внутрь коробки. Теперь я был уверен, что домик ей понравился.

Ежиха мирно спала в нем, но, услышав шум, выглядывала наружу. Иногда высовывался только ее нос, если она полагала, что понюхать будет достаточно, чтобы оценить обстановку снаружи. Она словно всегда хотела знать, что происходит вокруг нее.

Мне нравилось, когда Нинна смотрела на меня. У нее были блестящие, любопытные глаза. Она поднимала маленькую головку в мою сторону, и я разговаривал с ней. Она слушала мой голос. Иногда, под наплывом чувств, я пел ей песню или колыбельную. Еще мне нравилось, когда Нинна забиралась на мои руки и пальцы. Тщательно обнюхивала меня. Иногда пыталась залезть в рукав моей рубашки или свитера. В любом случае, у нас были хорошие отношения, хоть мы и общались каждый по-своему.

Я начал предлагать ей разные виды мяса, чтобы разнообразить ее питание. Также добавил в ее рацион свежих фруктов. Хотел пополнить меню множеством овощей, но Джулия написала мне:

«Нет, в этом нет необходимости. Ежи – не вегетарианцы!!!»

Когда я ставил миску с едой в ее клетку, Нинна не выходила из своего домика. Она брала его с собой. Вы знаете, как делают улитки? Именно так. Она подходила к миске с домиком на спине. Только ее носик высовывался из входа. Остальная часть ее тела оставалась внутри. Пока она ела, дом двигался вверх и вниз. Она все так же обожала переворачивать блюдце, но теперь стала проделывать это с миской с водой. После привычного «бах-бах-бах» по подстилке из газет на дне клетки растекалась лужа.

Я посмотрел по сторонам и заметил старую пепельницу. Она была сделана из толстого хрусталя. Отличная миска! И в самом деле, громыхание прекратилось.

Джулия объяснила:

«Теперь Нинна должна есть в конце дня и еще раз ночью. Ты также можешь давать ей немного перекусить ранним утром. Поставь ее клетку в комнате с одним или двумя окнами, чтобы малышка видела естественную смену ночи и дня, темноты и света. Ой, чуть не забыла: в дневное время она должна спать, как и все ежи! И последнее: Нинна кусается?»

Я поразмыслил над последним вопросом. И стал набирать ответ:

«Ну, Нинна грызет и кусает все. Но только не люд…»

Я не успел дописать, когда меня испугало громкое «ау!» из соседней комнаты, где была Нинна. Я примчался туда в доли секунды.

– Грета, что случилось?

– Ничего! – ответила она, спрятав правую руку за спину и пытаясь выглядеть, как ни в чем не бывало.

– Нинна тебя укусила?

– Нет-нет.

– Дай посмотреть, – попросил я ее. Кончик ее указательного пальца немного покраснел.

Это случилось. Но она укусила не сильно. Только ущипнула. Может быть, Нинна была раздражена или приняла палец Греты за что-нибудь съедобное. Так или иначе, это маленькое создание наблюдало за нами с некоторым интересом, без малейшего чувства вины. Просто невероятно, как вовремя Джулия задала свой вопрос! Я посоветовал Грете вести себя с Нинной особенно осторожно и вернулся к недописанному письму. Я стер:

«Но только не люд…»

И написал:

«Но только не меня. Однако она только что укусила мою девушку:(»

Сразу после этого ко мне подошла Грета, левой рукой поддерживая правую. Пострадавший палец со следами укуса был отставлен в сторону от остальных. Я чувствовал себя виноватым, хотя ничего страшного не случилось.

– Мы поедем завтра на пляж? – спросила она тихим голосом пострадавшей.

Черт! Мы запланировали эту поездку, и я совсем про нее забыл. Но как я мог противостоять свежеиспеченной мученице Грете? Пристроить двух моих собак не составит труда.

– Но что мы будем делать с Нинной? – спросил я.

Глава 9
Путешествие к морю

Мы договорились о коротком путешествии к морю. И должны были выехать следующим утром, в субботу, и вернуться вечером воскресенья. И мы собирались взять Нинну с собой. Разумеется, я не мог оставить ее дома: кто бы присмотрел за ней? Я положил в сумку все самое необходимое: первую попавшуюся пару футболок, шорты, шлепанцы, зубную щетку и прочее. Я управился за пять минут. Сумка Греты была уже собрана. И мы начали собирать вещи для Нинны. Что нужно было взять? Итак… ее клетку, конечно, газету для подстилки, картонный домик, миски для воды и еды, одеялко, полотенце, принадлежности для приготовления ее пищи, сено, рулон бумажных полотенец и т. д.

Я подумал, что такому крошечному созданию требовалось просто безумное количество вещей! Через полтора часа ее сумки были готовы. В моей голове возникла еще одна мысль: до встречи с Нинной эти полтора часа на сбор сумок потребовались бы мне.

При этой мысли я улыбнулся.

Я загружал вещи в машину еще дольше, потому что хотел обеспечить Нинне комфорт и безопасность в клетке. Устанавливал ее по-разному, пока не нашел оптимальное положение.

Наконец, мы были готовы. Но наступило время кормить зверька. Что нам было делать? Если покормить перед самой поездкой, ее может стошнить. Но я не мог себе позволить везти Нинну голодную. Я не хотел ни этого, ни рисковать, что ее может укачать. Я решил устроить ей легкий перекус и дать немного отдохнуть после, чтобы усвоить еду.

Было уже поздно, когда мы смогли выехать. Я был за рулем, Грета сидела рядом, Нинна на заднем сиденье. Я ехал медленно, чтобы не слишком беспокоить крошку. Но она волновалась. Пряталась под своим одеялом, забивалась в угол или начинала

ходить по клетке. Потом пыталась залезть на стены и снова забиралась под одеяло, чтобы почти сразу вылезти из-под него и заново начать кружить по клетке. Она явно нервничала. Я бы сказал, испытывала стресс. Я чувствовал себя виноватым, что она оказалась в такой ситуации. Когда дорога начинала петлять, становилось еще хуже, потому что Нинну откидывало то влево, то вправо. Мы останавливались раз десять, чтобы она могла прийти в себя.

– Думаешь, она может успокоиться, если я возьму ее на руки? – в какой-то момент спросила Грета.

– Знаешь, это не самый лучший вариант. Если мне придется внезапно тормозить, она может упасть. Но я еду довольно медленно… Ладно, давай попробуем, – сказал я.

Итак, Грета взяла Нинну, посадила ее себе на колени и укрыла одеялом, чтобы та чувствовала себя в безопасности. Но маленький ежонок был неуправляем. Все ее движения угадывались под маленьким покрывалом, которое то и дело подпрыгивало и дрожало. Она беспрестанно высовывала свой нос то с одной, то с другой стороны.

– Убери покрывало. Может быть, оно ей мешает, – предположил я.

Но это не помогло.

– Может быть, она хочет посмотреть в окно, – сказала Грета со смешком, но ее смех был немного нервным.

А мы проехали только полпути.

* * *

Через несколько километров нас остановил полицейский патруль. Один из двух офицеров подошел к окну.

– Ваши права и документы на машину?

Я передал их полицейскому. Он долго их изучал, поэтому я спросил:

– Все в порядке?

– Да-да, – ответил он. Но в то же время, размахивая моими документами, начал осматривать машину.

– У вас стерт протектор. Я должен выписать вам штраф, – объявил он.

Я помнил, что в предстоящий понедельник должен был заехать за новыми шинами, но не сказал ему об этом. Навряд ли бы он мне поверил и не выписал квитанцию.

«Сегодня действительно неудачный день», – подумал я, опустив взгляд на руль.

– Что это? – спросил полицейский, указывая на Нинну.

Он только что заметил ее.

– Это ежонок, – ответил я.

– Посмотри-ка, – сказал он другому офицеру, ожидающему поблизости, прислонившись к своему мотоциклу.

Оба, заглянув в окно, с восторгом смотрели на Нинну.

– Как мило! Это мальчик или девочка? – спросил первый полицейский.

– Сколько ей? – присоединился второй.

Я рассказал им всю историю, которую они внимательно выслушали, и даже прониклись ею. Между тем Нинна успокоилась.

В итоге они решили не выписывать мне штраф.

– Вы хороший ветеринар. Но поменяйте шины как можно скорее, – сказал первый офицер.

Затем, возможно, чтобы скрыть свои эмоции, он немного пошутил на прощание:

– Не спешите. Езжайте осторожно. У вас в машине целая семья!

Он засмеялся, и мы засмеялись вместе с ним.

Мы наконец добрались до моря, сделав при этом еще много, очень много остановок, чтобы Нинна могла отдохнуть. Более того, в какой-то момент ее стошнило, и мое чувство вины взлетело до небес.

Когда мы нашли дом, где планировали остановиться, – он принадлежал нашим друзьям – в первую очередь выгрузили Нинну и ее клетку. Посадив крошку в угол просторной клетки, занялись остальным. Потом мы с Гретой наконец пошли на пляж. Но мыслями я постоянно возвращался к маленькому созданию, которое теперь оказалось в незнакомом доме. Я сомневался, было ли ей комфортно. Кроме того, мне бы хотелось показать ей море. Но это было невозможно. Слишком солнечно и многолюдно.

И все же.

Я разрабатывал план. После прекрасного ужина и романтической прогулки Грета пошла спать. Но не я. Мне нужно было дождаться очередного кормления Нинны. Когда я убедился, что моя подруга уснула, то приступил к осуществлению своего плана. Я взял шляпу, которую всегда возил с собой в машине, положил в нее Нинну и на цыпочках вышел из дома. Я пошел к причалу и сел в том месте, где причал исчезал среди утесов. Было поздно, и вокруг было мало людей. Лишь пара рыбаков вдалеке. Моя маленькая Нинна выглянула из шляпы. Ее шустрые, блестящие глаза смотрели вокруг. Ее нос нюхал воздух в поиске новых историй. Стояла звездная ночь.

– Нинна, это море. Без меня ты бы никогда его не увидела, – прошептал я ей.

Мы долго сидели там, слушая колыбельную волн, вдыхая соленый воздух. Я прокрался обратно так же тихо, как выходил. Я не хотел, чтобы Грета меня услышала. Она уже считала меня немного сумасшедшим, но мне не хотелось, чтобы она поверила в это по-настоящему.

На следующий день после обеда мы вернулись домой. Путешествие закончилось. Но я был счастлив, потому что Нинна увидела море. И я кое-что узнал: ежиков может укачивать в машине, и они могут помочь вам избежать автомобильных штрафов. Однако я не понимал, что слишком сильно очеловечивал Нинну. Я начал думать о ней, как о ребенке. Моем ребенке. Это было нехорошо.

Глава 10
Только Лилли, Джек и Нинна

Мне нравилось наблюдать за Нинной, меня умиляло все, что она делала. Часто, вернувшись после работы, я доставал ее из клетки и отпускал немного погулять по дому. Сначала она осторожничала, но очень скоро привыкла. Она бродила повсюду. «Нинна, Ниннааа», – звал я ее, и частенько она прибегала обратно. Но не всегда. Если она занималась чем-то, казавшимся для нее более интересным, в ту же секунду я подходил к ней.

> Я очень сильно к ней привязался. А ведь если подумать, когда я был маленьким, то пообещал самому себе не пускать других животных в свое сердце.

Неро, или, точнее, его утрата стала раной, оставившей большой шрам, отметину на моей душе. Мне было около шести лет, когда друзья моего отца отдали нам его. Он был упитанный, сильный и красивый. Весь черный, только на носу пятна. Должно быть, в его роду было намешано много пород, но немецкая овчарка явно преобладала. Помню нашу первую ночь вместе. Его закрыли на кухне, но из своей комнаты я слышал, как он скулил. Тогда я тихонько выскользнул из кровати, подошел к нему и стал гладить, чтобы успокоить. Я бесшумно пронес его в свою постель. Неро успокоился, и мы заснули бок о бок. С тех пор мы делали так каждую ночь. Когда я возвращался домой после школы, он с воодушевлением приветствовал меня. Мы оба радовались.

Но щенок подрос и начал скучать, оставаясь в одиночестве весь день. С восьми утра до пяти вечера дома он попадал во всякие неприятности. Наконец, мои родители решили – для всеобщего блага, включая Неро, – оставить его у бабушки с дедушкой. Там у него было бы больше места, где можно бегать и играть, а также компания. Дядя Освальдо присматривал бы за ним. Для меня разлука с моей собакой была трагедией, несмотря

на то что раз в несколько дней после работы родители отвозили меня повидаться с ним. И я мог наслаждаться его компанией во время школьных каникул. Тогда мы были неразлучны.

Однажды мы с ним гуляли по полям. Мы забрались дальше, чем обычно. Я ехал на велосипеде, а он счастливо бежал позади. Мы проезжали мимо фермы, и я увидел мальчика, постарше меня, с большой собакой со свирепым видом. Я испугался. Я чувствовал, что должно произойти что-то страшное, что-то жестокое. И вдруг тот мальчик спустил на нас свою собаку. Нам с Неро было некуда отступать. Мы не могли уйти. Они были слишком близко. Та собака настигла бы нас за несколько секунд. Я замер. Неро – вся его шерсть встала дыбом – не сделал ни шагу назад.

Как стрелы, псы бросились друг на друга. Раскрытые челюсти обнажили ослепительно белые клыки. После ожесточенной схватки другая собака начала пятиться назад и отступать. Неро одержал победу в сражении. Он подошел ко мне с еще не утихшим огнем в глазах. Из его правого уха сочилась кровь, но это было нестрашно. Мы поспешили оттуда.

Мой пес меня защитил. Он спас меня. С ним я всегда чувствовал себя в безопасности.

Через несколько лет Неро сбил грузовик, в это время я был в школе. Когда мне сказали об этом, мое сердце было разбито. Я выплакал все слезы, которые только могли быть у маленького мальчика. Именно тогда я поклялся, что больше никогда не заведу питомца. Я не хотел, чтобы мое сердце снова разбилось.

Больше никогда! И так оно и было.

То есть пока я не встретил Лилли.

После того как я окончил колледж, мои родители разошлись, но, несмотря на мои детские страхи, я не потерял их, когда они развелись. Так они стали счастливее, как и я. Иногда люди подкидывали собак к дому моей матери. Пошел слух, что она им помогает. Среди них были даже беременные суки, а значит, позже появлялись и щенки.

Однажды, несколько лет назад, мама позвонила и сказала: «Массимо, меня очень беспокоит этот щенок. Я не знаю, что случилось, но у нее болит одна лапка. На самом деле она на нее даже не наступает. Приезжай, посмотри на нее как можно быстрее». Я поспешил к ней. У малышки – рыжего итальянского шпица, девочки пяти-шести месяцев – была сломана лапа. Я отвез ее Ремо, своему коллеге, специализирующемуся на ортопедии мелких животных. Он подтвердил мой диагноз и сказал, что прооперирует ее через несколько дней. Я оставил щенка у себя до операции, на которой потом ассистировал, и все прошло гладко.

Чтобы присмотреть за ней на период восстановления, я забрал щенка себе.

– Назови ее Лилли. Ей идет имя Лилли! – как-то раз предложил сосед.

Так она стала Лилли.

Через месяц после операции ей требовалась другая, чтобы удалить спицу, которую вставляли для лечения перелома. Я договорился о времени с Ремо и повез ее. Не осознавая этого, я привязался к маленькому щенку до такой степени, что вторая операция, казалось, тянулась бесконечно, хотя в действительности она прошла гораздо быстрее и была намного проще первой. Как я волновался! Определенно, я переживал гораздо больше.

Когда операция закончилась, щенок лежал на боку, все еще оставаясь под капельницей. Ее глаза были закрыты. Я подошел, склонился над ней и прошептал: «Лилли… Лиллиии…» В ответ я слышал только продолжительное «шлеп, шлеп, шлеп, шлеп» ее хвоста, ударявшего по стальному столу.

> Она не могла ответить, но виляла хвостом при звуке моего голоса. Я был тронут. Своим хвостиком она похитила мое сердце навсегда.

Но я поклялся себе, что возьму только ее! Больше никого!

Несколько месяцев спустя мама позвонила мне по поводу Джека, страдающего от приступов кишечного расстройства. Я забрал его домой, чтобы присмотреть за ним. Лилли ревновала, но очень скоро они подружились. Джек был таким милым и преданным! Когда он поправился, то составлял мне компанию, пока я строил каменную стену во дворе. Постоянно находясь со мной рядом, он начал играть с камнями, из которых я строил забор. Ему до сих пор нравится с ними играть. Думаю, это единственная в мире собака, которая увлекается перетаскиванием камней. Если рядом лежит камень, он чувствует себя обязанным взять его в передние лапы и тащить, пятясь назад, с одного места на другое. Он сильный пес – может перетащить даже большие булыжники, оставляя борозды на траве.

Когда я понял, что привязался и к нему, то снова пообещал себе: только Джек и Лилли! Больше никого!

Глядя, как Нинна бегает по кухне, я поймал себя на мысли: «Ладно, ладно! Только Лилли, Джек и Нинна!» Какой кошмар! Но такой уж я.

Глава 11
Отпуск – значит «отпустить»

Я отпускал Нинну свободно гулять по дому только под моим наблюдением. Если оставить ее без присмотра, она могла бы начать грызть электрический кабель или съесть что-то вредное для нее. Или угодить в неприятности. Вокруг было слишком много опасностей.

Но мне нравилось слышать, как она бродит! От этого я чувствовал себя счастливым. И она выглядела веселой и игривой. Когда я возвращал ее в клетку, всем своим видом она демонстрировала недовольство. Она больше не хотела оставаться взаперти. Она безостановочно сновала туда-сюда с раздраженным видом. Особенно по ночам. Я перенес ее клетку в свою комнату, полагая, что звук моего голоса будет ее успокаивать.

Это не сработало. Я просыпался по сто раз и всегда обнаруживал ее притиснувшуюся к стенам своей тюрьмы, ее маленький острый носик торчал сквозь решетку, она смотрела на меня пронзительным взглядом. Словно хотела что-то у меня спросить.

Раньше я не спал, потому что нужно было ее кормить; теперь я не мог спать из-за того, что она ужасно шумела. Я начал выгорать. Для своего собственного блага я переставил клетку обратно в другую комнату. Но это не решило проблемы беспокойного поведения Нинны.

И вынести ее страдания было невозможно.

Я поделился своей новой проблемой с Джулией. Она быстро написала в ответ:

«Сейчас Нинна весит больше 300 грамм. Ты можешь поместить ее в вольер на улице. Понемногу она приспособится к своей естественной среде обитания. Она будет счастливее. Вот увидишь, она даже научится охотиться».

Я выбрал подходящее место во дворе и огородил его. Я часто оставлял там Нинну. Она резвилась там, довольная своей

полусвободой. Но я, как всегда волнуясь, приглядывал за ней.

Между тем близилось путешествие, которое я уже давно планировал, с января, если быть точнее. Отъезд был запланирован на середину августа.

Это не был просто очередной отпуск, это было путешествие всей моей жизни – путешествие по Африке с тремя моими лучшими друзьями: Энрико, ветеринаром и моим учителем, Маттео, еще одним ветеринаром и старым другом, и Дарио, единственным не-ветеринаром, но общим другом и хорошим парнем.

Это был организованный тур. В нем должны были участвовать десять или одиннадцать человек, плюс гид и водители. Мы собирались начать путешествие с Намибии, пересечь пустыню Калахари и добраться до Ботсваны, а затем посетить разные национальные парки и под конец водопад Виктория.

Я разрывался между двумя чувствами: безграничным желанием отправиться в это путешествие и глубочайшим сожалением, что придется оставить Нинну.

Если мы поедем, кто за ней присмотрит? Это была настоящая проблема. Это не была поездка на море. Я не мог просто взять ее с собой. Я поговорил с мамой и двоюродным братом Франческо. Он был единственным сыном дяди Освальдо. Он похож на него. У него такое же большое сердце. Та же любовь к животным и природе. Франческо сразу сказал мне:

– Массимо, езжай и не беспокойся об остальном, я могу присмотреть за Нинной. Доверься мне!

– А еще есть я! Я тоже могу о ней позаботиться, – с энтузиазмом вмешалась в разговор моя мама.

Все любят Нинну!

Я доверял им обоим полностью.

Мы с Франческо решили построить вольер во дворе моей матери. Каждый вечер они должны будут помещать туда Нинну на несколько часов. Я не хотел, чтобы она оставалась там на всю ночь из-за опасения вражеского визита какого-нибудь ночного хищника. Остальное время она будет проводить в своей клетке. Я дал им исчерпывающие инструкции, как ее кормить, и в заключение, конечно, дал несколько других советов. Они оба слушали внимательно. Это решение на самом деле было идеальным. К тому же Франческо жил прямо напротив моей матери, поэтому ему было бы удобно приходить туда.

Вольер для Нинны сделали под вишневым деревом. Густая листва давала необходимую тень. Мы сделали прямоугольник из гофрированных листов пластика и воткнули их в землю на

глубину десяти сантиметров. Таким образом, если бы Нинна решила прорыть тоннель – ежи умеют рыть! – она бы не смогла этого сделать. Вдобавок мы положили камни по всему периметру для дополнительной безопасности. Когда вольер был готов, он получился размером три на четыре метра и высотой полметра. Внутри на основание из кирпичей мы поставили новый домик для Нинны: деревянный, бывший раньше коробкой для марочного вина. С одной стороны я сделал отверстие для входа и усилил крышу, обшив ее нейлоном. Затем с помощью Франческо я установил в вольере навес прямо над домиком. Таким образом, даже если бы неожиданно поднялся сильный ветер, Нинна могла бы укрыться от него.

Настал вечер перед моим отъездом. У меня все было готово, но я все еще колебался. Поездка была очень дорогой, и я уже оплатил ее заранее. Если бы можно было вернуть деньги, возможно, я бы от нее отказался…

В тот вечер я загрузил Нинну и все ее сумки в машину. Затем я посадил Лилли и Джека и поехал к матери. Они с Франческо ждали меня. Обе собаки уже привыкли оставаться у них, когда я уезжал в отпуск или куда-то еще на несколько дней. Они счастливо бросились навстречу маме и моему кузену, а затем умчались в поисках своих любимых мест, просто чтобы убедиться, что ничего не изменилось с их последнего приезда. Однако для Нинны все было в новинку.

Я еще раз проверил каждый сантиметр вольера. И повторил маме и Франческо все, что они должны были делать для Нинны. Затем я наконец сдал своих «детей» в их добрые руки и после бесконечных прощаний поехал к себе.

Вернувшись домой без радостного приветствия Лилли и Джека и снующей туда-сюда Нинны, я почувствовал себя одиноко. Дрожь пробежала по моей спине. Тишина давила. Она была абсолютной, окружающей – оглушительной. Дом казался слишком большим. И кроме того, пустым. Ворочаясь в постели, я вдруг подумал, каким эгоистом был: для меня отпуск был важнее двух моих собак и ежика. Им было бы спокойнее дома и, возможно, даже безопаснее. Я беспокоился за Нинну. Как она будет реагировать на мое отсутствие? И на незнакомых людей? Что, если она упадет? Или убежит? Измученный своими переживаниями, я не мог сомкнуть глаз. Отключился, только когда свет восходящего солнца начал рассеивать темноту. К тому времени оставалась лишь пара часов до моего отъезда в аэропорт. Одно было ясно: с тех пор, как я встретил Нинну, по той или иной причине я не проспал спокойно ни одной ночи.

Глава 12
«Как там Нинна?»

Я помню Африку во всех подробностях, начиная с неба, открывшегося моему взору при выходе из самолета. Оно было ослепительно голубым, цельным и чистым. Ни облачка. Ничего. Меня мгновенно окутал свежий воздух, который я с удовольствием вдохнул. Казалось, он тоже сиял.

Я знал эту древнюю землю по школьным учебникам, по тысячам документальных фильмов, но она все равно поразила меня. Опьянила меня удивлением. Мы ехали на машинах, разделившись на группы: вереница джипов, один за другим, нагруженных всевозможным грузом, от палаток до еды. Дороги были широкие, длинные, прямые; вокруг простиралась бесконечная равнина. Рыжий песок. Зеленые кустарники, разбросанные то там, то здесь. Черные силуэты раскинувшихся зонтиками деревьев. Я помню каждый рассвет и каждый закат. Небо вспыхивало огнем и горело пожаром каждый раз с разным оттенком пламени. В дельте реки Окаванго, которая не впадает в море, а исчезает в пустыне, мы оставили машины и сплавились по реке на каноэ мимо камышей и островков. Потом мы снова ехали на машинах до границы с Зимбабве. Мы были в тесном контакте с природой, в полном погружении. Бегемоты, слоны, львы, жирафы, антилопы гну, бабуины, гиены, крокодилы и многие другие. И бесчисленные виды птиц. И леопард. Да, всего один. Их не так легко заметить. Мой взгляд не мог охватить всего. Даже ночных звезд было слишком много. Сказочное путешествие. Даже более того – волшебное.

Каждый вечер мы находили удобное место для привала, парковали машины кругом и разбивали палатки посередине. Затем ставили ряд столов для пикника. Мы ели все вместе, обсуждая наши впечатления за день.

Но это не все.

В первый вечер мои компаньоны по путешествию увидели, как я хожу вокруг лагеря и пытаюсь поймать сигнал сети. Когда я отошел слишком далеко, гид сразу же посоветовал мне быть осторожным, потому что это было крайне опасно. Я сказал ему, что мне обязательно нужно позвонить матери. Как только я вернулся, некоторые люди из группы начали подтрунивать надо мной, говоря: «Должен позвонить своей мамочке, да?» Кто-то другой подхватил: «Соскучился по маме. Что за маменькин сынок!» Некоторые поддразнивали, остальные посмеивались.

– Нет-нет, я просто переживал за Нинну и должен был проверить, что она в порядке, – объяснил я.

– Нинна? – хором спросили трое или четверо.

И так получилось, что каждый вечер – в Африке! – я рассказывал о своем маленьком ежике, как я ее повстречал, выходил, как заботился о ней. Мини-сериал! Да, мы разговаривали о львах и грифах, бородавочниках и газелях… и о Нинне… до поздней ночи, когда пора было ложиться спать.

У нас сложился ритуал. Я искал место, где ловился сигнал, и звонил матери.

Наш разговор был коротким. «Привет, мама, как ты?» – «Хорошо. А ты?» – «Хорошо. Как Нинна?» – «Хорошо». – «Ладно. До завтра».

Затем я возвращался к накрытому столу, и все спрашивали: «Как там Нинна?»

Позже, когда наши разговоры стихали, становились отчетливей голоса ночи. Темнота была наполнена шорохами, криками, треском, воем. Однажды ночью нас испугал мощный львиный рык. Большой лев был совсем рядом. Раскаты его рева потрясли воздух и наше самообладание. Мы все замерли, вид у всех был растерянный. Полные удивления. И своего рода уважения. Кто-то едва скрывал страх в своих глазах. Гид сказал, что ситуация может быть опасной и нам следует укрыться в палатках. Там мы будем в безопасности. Так мы и сделали.

Той ночью некоторым из нас не спалось. Я ночевал в одной палатке с Энрико. Я разбудил его около трех часов:

– Энрико, слушай… теперь рычание отдалилось.

Действительно, оно было глубже, но тише. Приглушенное, но такое же мощное. Мы прислушались.

– Да, он уходит.

Затем мы расхохотались. На самом деле то был не голос короля джунглей, а храп одного из наших попутчиков, один из самых неординарных, какие я только слышал. Уверен, что его громогласное, ритмичное мурлыканье – или рычание – каждую

ночь держало всех обитателей саванны на приличной дистанции.

Ближе к концу путешествия мы добрались до водопада Виктория. Но я не смог насладиться этим исключительным зрелищем. Безусловная красота этого каскада воды, его невероятная сила, оглушающий рокот, многочисленные радуги и облака тумана тронули мое сердце, но не захватили меня. Я был слишком обеспокоен, потому что не мог связаться с матерью уже три дня. Я постоянно звонил, но никто не отвечал. Я переживал, что что-то случилось.

Может быть, она не брала трубку, потому что не хотела сообщать плохих новостей о Нинне. Мое волнение усиливалось с каждым часом.

Неизбежно наступило время возвращаться домой. Я вышел из самолета и вместе со всеми загрузился в автобус до терминала. Я уселся позади и первым делом взял телефон и, покачиваясь, набрал телефон матери. Наконец она ответила.

– Мама, я звоню тебе целыми днями! Ты в порядке? Что-то случилось? – закричал я взволнованно.

– Да. Ну, кое-что случилось… – сказала она мягким голосом.

– Что? Что случилось?! – повторил я на взводе.

– У меня плохие новости, – продолжила она дрожащим голосом.

– Скажи мне, мама, ты заставляешь меня нервничать! Нинна умерла?! – прокричал я опять в отчаянии, глубоко дыша.

В автобусе повисла зловещая тишина. Никто не издавал ни звука. Один за другим мои спутники повернулись ко мне, замерев.

– Нинна умерла?! – прогремел я снова, готовый разрыдаться.

На том конце – тишина, полная напряжения.

Тихий шепот прошел по группе.

– Нинна умерла…

– Нинна умерла…

Скорбные лица.

Все полюбили маленького ежика, о котором я им рассказывал.

Я был в агонии, мои глаза округлились, во рту пересохло.

Мама продолжила:

– Это случилось так быстро…

– Мама, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

– Я упала и… сломала кисть.

– Пресвятая богородица! И все? Ты сломала кисть? Слава богу!

Наблюдающие за мной попутчики обменялись лучезарными улыбками, и некоторые из них сказали:

– Ничего страшного. Все в порядке! Нинна жива! Мать Массимо просто сломала руку!

Все в набитом битком автобусе вздохнули с облегчением.

– Что значит «и все»? – ответила она шепотом.

– Прости, прости, мама, мне жаль. Я просто боялся, что… Я имею в виду… ты знаешь, кисть можно вылечить. Я люблю тебя. Скоро буду, – ответил я с робкими угрызениями совести, но спокойно.

Глава 13
Центр великой идеи

Мама ждала меня на пороге. Я пошел ей навстречу, чтобы обнять, но Лилли и Джек вклинились между нами. Они прыгали, извивались, лаяли и скулили без перерыва. Лилли каталась по земле животом вверх. Затем она перевернулась и в приступе радости стала тереться носом о мои ноги. Потом все повторялось по кругу. Только после нескольких заходов оживленных приветствий обе собаки успокоились, и я наконец обнял свою мать. Затем я увидел Франческо. Объятия продолжились.

– Как Нинна? – спросил я их обоих.

Нинна уже почувствовала мое присутствие. Наверное, она узнала мой голос или запах. Она вышла из картонного домика и прижималась к стенке клетки. Ее маленькие глазки были устремлены на меня, пока она усердно нюхала воздух.

– Нинна, Ниннааа, – позвал я ее, и мне показалось, что она хотела прорваться сквозь эту решетку любой ценой.

– Дай я достану ее тебе, – сказал Франческо, протянув ей руку, чтобы она забралась на его ладонь.

Он передал ее мне. Я взял ежонка и поднес к лицу. Нинна начала меня облизывать. Она остановилась только на мгновение, чтобы развернуться в моих руках, и затем снова принялась безудержно меня вылизывать. Мои пальцы тоже. Она была в высшей степени взбудоражена. Эмоции переполняли ее. Она выглядела счастливой. Как и я.

– Когда ты взял Нинну, она была спокойна. Она не пыталась убежать или свернуться в клубок? – спросил я Франческо, когда ежик начал успокаиваться.

– Да, мы подружились. Она мне доверяет.

– Она так выросла! Эти две недели вы действительно хорошо о ней заботились.

– Это было легко. Она очаровательна.

Я посмотрел на него с улыбкой. Я знал, что он имел в виду. Он был похож на дядю Освальдо. Внешнего сходства было мало, хотя он красивый парень – по-другому, но тоже привлекательный. Блондин с ясными голубыми глазами. И мускулистым телом, по которому сходили с ума девушки.

У Франческо дома был маленький зоопарк: несколько пони, собаки, кошки, попугайчики. Всех понемногу. И он ухаживает за ними с любовью и вниманием. Он хороший человек. Как его отец.

В тот момент, когда мы разговаривали о Нинне, мне подумалось (как и много раз раньше), что наши отношения напоминали мои с дядей Освальдо. Только теперь роли поменялись: я чувствовал себя старшим братом. А Франческо был как младший брат.

Моя мама крикнула из кухни:

– Массимо, останешься обедать?

– Да-да, – ответил я.

Затем я повернулся к Франческо.

– Останься тоже, пожалуйста. Мне столько нужно рассказать.

Он кивнул, улыбнувшись, и затем прокричал моей матери:

– Тетя Франка, поставьте еще одну тарелку. Я тоже останусь.

На следующий день я по-прежнему был там. Я увидел, что маме было тяжело со сломанной кистью, и хотел помочь ей. К тому же хотелось провести с ней некоторое время. И с Франческо тоже. Я думал, что останусь самое большее на неделю. Но в итоге пробыл там гораздо дольше. От мамы и кузена веяло домашним теплом. Там я был счастлив.

Я взял на себя покупку продуктов, мытье посуды и тому подобное. Мама готовила свои фирменные блюда. Она была довольна.

Я возвращался с работы в начале вечера, а вскоре после меня приходил Франческо. Мы подолгу гуляли по полям и близлежащим лесам. Мы разговаривали о том о сем: о животных, природе, женщинах, работе, будущем. Мы обсуждали личную жизнь и давали друг другу советы. Я поделился с ним своей горечью, которую испытывал во время развода с женой. Нам было важно выслушать друг друга. Это давало пищу для новых размышлений и, возможно, каким-то образом помогло мне избавиться от некоторых моих сожалений и страхов.

В один из таких вечеров я поделился с ним идеей, которая уже давно была в моей голове.

– Знаешь, чем бы я действительно хотел заниматься? Я бы хотел организовать центр помощи ежам, попавшим в беду. Нинна вдохновила меня. Эта кроха, которую я встретил случайно, на самом деле изменила что-то внутри меня.

– Центр для ежей? Очень необычно.

– Да, центр, оборудованный для спасения как можно большего количества… – я умолк, погрузившись в свои фантазии.

Я продолжил:

– Нинна подстегнула мое желание помогать самым маленьким, самым забытым. Именно потому что люди о них обычно не думают. В то время как каждое создание, даже самое маленькое, имеет значение. Прежде всего, это жизнь. Но это также важная часть нашей планеты, деталь, без которой пазл не складывается, неотъемлемый элемент всеобщей гармонии.

Мы оба замолчали, погрузившись в свои мысли на несколько минут.

– И я здесь, чтобы что-то делать со своей жизнью, верно? – спросил я, не ожидая ответа.

– Кто знает, может быть, ничего не происходит случайно. Может быть, ты должен был встретить Нинну. Чтобы найти эту дорогу, чтобы пройти свой путь, – сказал Франческо.

– Я построю несколько вольеров у себя дома. Место есть. Его много! И поселю туда всех нуждающихся в помощи ежей.

– Я тоже помогу, Массимо.

Я знал, что могу на него положиться.

На следующий день я написал Джулии о своем проекте, но она поумерила мой пыл. Она ответила:

«Это не так просто. Чтобы приютить ежей, требуются разрешения, официальные разрешения. Возможно, тебе будет проще помогать уже зарегистрированному и работающему центру».

Как всегда, она была права. По закону, если вы найдете ежа, то должны отнести его в центр спасения диких животных. Или вы можете оставить его у ветеринара. Я ветеринар, тогда все в порядке, да? А вот и нет, даже ветеринар может приютить у себя ежа или любое другое дикое животное только на время, необходимое для лечения. А затем вы должны передать его в центр, где ему предоставят кров и еду на время, требуемое в конкретном случае, перед тем как отпустить его обратно в дикую природу.

Я позвонил директору Центра реабилитации диких животных в Кунео, представился и предложил им помочь с любыми ежами, которые у них были. Он с радостью пригласил присоединиться к их группе. Однако я не стал волонтером сразу. Мне требовалось время для взращивания своей новой идеи. Я вынашивал ее, обдумывая, как воплотить в реальность. Я чувствовал, что следую за мечтой. И мне это нравилось.

Дни проходили один за другим, а я все еще не вернулся

домой.

– Погости еще немного, – сказала мама.

А я не знал, как – или не хотел – отказать ей. Я хотел теплоты и близости, которые окружали меня в это время.

Прекрасные моменты.

Однажды утром я завтракал в спешке, так как мне нужно было посетить ряд пациентов в разных местах, и мама заметила:

– У тебя изменился взгляд. Ты стал спокойнее. Ты больше не придаешь столько значения своей внешности. Ты больше не одержим ею. Ты стал лучше, обратившись к своему внутреннему миру. И ты можешь отличить, что важно, а что нет.

Она сказала это просто, тем же тоном, которым давала мне список покупок. Но ее зеленые глаза цвета леса увлажнились. Она прятала взгляд, но ее эмоции нельзя было скрыть. Я обнял ее и, улыбаясь, прошептал:

– Моя милая Франка…

Время поджимало. Я запрыгнул в машину. Пока я мчался по дороге, в моей голове возник образ тетушки Марилены. Слова моей матери пробудили воспоминания о ней. Я думал обо всех наших разговорах. О том, как она верила в меня. Я сказал ей: «Спасибо, тетушка Марилена!» Тетушка Марилена скончалась несколько лет назад. Но мне нравилось думать, что она слышит меня, когда я время от времени обращался к ней.

Глава 14
Опасная встреча

Вечера я проводил с Нинной. Я переносил ее в уличный вольер. Но вскоре понял, что ей стало в нем тесно. На самом деле, я часто замечал, как она в нетерпении ходит по периметру, как будто ищет место для побега. Я чувствовал себя ужасно из-за нее. Поэтому принял решение.

Мои собаки не представляли опасности, так как у них не было доступа в тот угол двора, где гуляла Нинна. Поэтому мне всего лишь нужно было закрыть где-нибудь Лилли и Джека – я всегда избегал любого непосредственного контакта между ними и моим ежонком – и эта маленькая часть мира стала безопасной. Я достал Нинну из вольера и поставил ее на траву. Она исследовала все вокруг. Она выглядела такой счастливой спустя несколько дней, а мне в голову пришла мысль отпустить ее гулять подальше. И так, вооружившись хорошим фонариком, я стал отпускать ее бродить за пределами участка, вниз по грунтовой дороге, идущей через поля до лесной опушки. Мы гуляли часами.

В серебряном свете луны, я и она: два ночных животных.

Ее первые шаги во внешнем мире, изящно осторожные, быстро превратились в короткие перебежки, прерываемые охотничьими бросками. Когда ее привлекал какой-нибудь запах, она прижимала свой маленький носик к земле и шла по следу. Сначала она принюхивалась немного правее, потом слегка левее, затем посередине, пока, наконец определившись, не шла к своей цели. Она начинала тихонечко фыркать, что-то вроде «фф…фф…» Чем ближе она подбиралась к своей жертве, тем сильнее и быстрее она дышала «ффф, ффф, ффф, ффф». Внезапно фыркание прекращалось и сменялось хрустом от маленьких зубов, жующих жука или уховертку. Миссия выполнена.

Затем она продолжала охоту. Я шел за ней. Часто она резко останавливалась передо мной. Она оборачивалась в поисках меня.

Или смотрела на меня. Может быть, она ждала, пока я догоню? Когда я подходил ближе, она продолжала путь. Мы доходили до кромки леса, но я не пускал ее туда. Я боялся ее потерять.

Хотя…

Хотя Джулия написала мне, что, когда ежи достаточно окрепли для самостоятельной жизни, их нужно вернуть в естественную среду обитания.

Огромный конфликт.

Однажды я решился, скажем так, на проверку, но это было мучительным для меня.

Я шел за ежихой по пятам через поля в одну из тех звездных и освещенных лунным светом ночей. Шел медленно, позволяя ей уходить дальше вперед. Когда она была уже довольно далеко, я остановился и закрыл глаза.

Ах!

Мое сердце терзалось от боли, я шептал самому себе: «Уходи, Нинна, уходи. Беги от меня. Уходи и будь счастлива, Нинна. Уходи, Нинна, уходи. И пусть судьба будет к тебе благосклонна». Я стоял там и мучился достаточно долго, чтобы она успела уйти. Может, даже чуть дольше. Но к тому времени, когда я открыл глаза, меня охватила паника. Нинна сбежала? Я ее больше никогда не увижу? Я был в смятении. Слеза скатилась по моей щеке. Затем я взял себя в руки и посмотрел вниз, туда, где я ее оставил.

> Нинна была здесь! Это было нереально! Она никуда не ушла! Она повернулась в мою сторону и ждала меня. Может быть, это было неправильно, но я побежал к ней и схватил ее, переполняемый радостью от того, что она все еще со мной.

Мои прогулки с Нинной научили меня слышать тишину сельской местности. Так я обнаружил, что это что угодно, но только не тишина. Шорохи, шуршание листьев, песни сверчков, голоса ночных птиц и много другое наполняло это кажущееся безмолвие. А когда я садился рядом с моей ежихой, занятой обнюхиванием каждого квадратного сантиметра земли, то замечал изобилие кипящей жизни между листьями травы. Я все реже использовал фонарик и привык видеть в темноте. Не так хорошо, конечно, но достаточно, чтобы ясными и тихими ночами разобрать детали обитающего здесь завораживающего маленького большого мира. В одну из наших ночных экскурсий мы с Нинной попали в приключение, которое я никогда не забуду. Она, как обычно, ушла вперед и была занята изучением запахов. Я не спускал с нее глаз. Мы подошли к концу привычной тропы, к тому

месту, где начинался лес. Вдруг в воздухе послышалось что-то вроде хрюканья. Громкого. Странного. Я раньше никогда не слышал подобных звуков. По моей коже пробежал холодок. В то же время инстинктивно я почувствовал, что Нинна была в опасности. Поддавшись импульсу, я отвел взгляд от нее, чтобы посмотреть в направлении рева. И кровь застыла в моих жилах. Огромный барсук несся в сторону Нинны, пока она спокойно продолжала обнюхивать землю, ничего не замечая. Увидев его, я сразу же побежал в ее сторону, быстрее, чем ожидал от самого себя. Но он был ближе к моему ежонку. Я был в ужасе. Я летел. Мои виски пульсировали от напряжения. Барсук прыгнул на дно канавы, проходящей вдоль нашей тропинки, и в одно мгновение вскарабкался наверх. Он почти ее настиг. Но к тому времени я тоже был там. Он, я, Нинна. Рядом друг с другом. В одно мгновение я дотянулся до нее и схватил мою маленькую ежиху.

Затем я повернулся спиной к барсуку, прижимая Нинну к груди, защищая ее. Но перед этим я увидел его распахнутые челюсти, обращенные к нам. И блеск его зубов. Он не напал на меня. Возможно, снова зарычал или хрюкнул. Я точно не помню. Я был слишком шокирован. Но он ничего мне не сделал. Я просто ушел. Все звуки смолкли в ночи. Можно было услышать только биение моего сердца. Нет… кое-что еще: маленькое сердечко Нинны, рядом с моим, билось так же сильно и быстро. В унисон.

Сердцем к сердцу. «ТУК, ТУК, ТУК».

Тяжело дыша, я слушал, слушал этот бешеный ритм и осознал, как сильно любил это маленькое создание. Когда наши сердца успокоились, мы с ней вернулись домой не спеша, безмятежные. Нинна по-прежнему оставалась в моих руках. Над нами трепетали звезды.

Глава 15
Нежданный гость

Мы с отцом договорились встретиться за чашкой кофе. Мы не виделись несколько недель. Сев за маленький столик у большого окна, выходящего на улицу, стали разговаривать. Когда мы, казалось, рассказали друг другу все новости, то рассеянно уставились в окно. Затем вернулись к беседе. Шел дождь. День цвета меланхолии, накатившей на меня в последнее время. Посмотрев немного на перегоревший уличный фонарь на углу, отец повернулся ко мне и произнес:

– Ты похудел.

Мгновение он колебался и затем добавил взволнованным тоном:

– Ты выглядишь уставшим. И грустным. Нинна еще у тебя?

Слезы сами собой потекли по моим щекам. Я не хотел плакать, но не мог удержаться.

– Да, Нинна еще у меня. Я должен отпустить ее на волю, но не могу этого сделать, – сказал я, запинаясь, эмоции мешали мне говорить.

– Дикое животное должно жить на свободе и быть счастливым. Ты должен ее отпустить.

– Я пытался однажды. Но она не ушла. Она ждала меня. Я просто… я так к ней привязался.

– Как можно привязаться к маленькому дикому зверьку? Нинна ежик! Она не собака. И даже не кошка.

– Думаю, нет ничего удивительного в том, чтобы привязаться к ежику…

– Все равно, Массимо, ты должен подумать о ее благополучии. Не только о своем.

Отец был прав. И его слова снова заставили меня подумать. Но меня все еще терзали противоречивые чувства.

> Свобода. Какое красивое слово. С ароматом бескрайних полей и цветом неба. Ты можешь вдыхать ее, пока она не опьянит тебя – это голубое небо и сочную зелень, и безграничное пространство. Ты можешь парить в объятиях нежного ветра.

Моя маленькая Нинна, с другой стороны, была все еще в оковах.

Что пугало меня в ее освобождении? Что я больше никогда ее не увижу. Но также что она может не справиться.

Тюрьма, в которой я ее держал, была гораздо безопасней.

Она привыкла ко двору и соседним полям. Плюс, она научилась охотиться. Но этого было недостаточно. Как мне сказала Джулия, согласно рекомендациям как итальянских, так и иностранных экспертов, ежик должен весить по меньшей мере 650 грамм, чтобы его можно было отпустить осенью. Тогда у него будет достаточно запасов жира для спячки, чтобы пережить зиму. Я читал, что, если отпускать ежа весной, ему достаточно весить 500 грамм, потому что в его распоряжении будет длительный период и множество источников пищи, которых ему будет достаточно. Но Нинна – другой случай. К концу августа она весила 600 грамм – достаточно для ее освобождения?

Наконец, Джулия написала мне:

«Ты можешь выпустить ее».

Всего пара слов. Точнее, четыре. Но из-за них я чувствовал себя так, будто меня переехал трактор.

И все же моей ежихе не хватало до нужного веса 50 грамм. Если в таблице указано 650 грамм, на это должна быть причина, верно? 50 грамм для такого маленького животного не были пустяком.

Ладно, признаю, я был рад использовать этот предлог. И пытался убедить Джулию, что случай моей малышки можно признать пограничным.

Она написала в ответ:

«Я понимаю твое стремление защищать Нинну… но таким образом ты не удовлетворяешь ее потребности».

Сообщение будто резануло меня ножом. Но мою печаль отчасти смягчили два ее следующих сообщения:

«Массимо, мне тоже грустно, когда я отпускаю ежика, потому что знаю, как сильно буду по нему скучать. Но в то же время я счастлива, потому что знаю, что он будет счастлив. Каждый ежик имеет право на свободу.

Ладно, Массимо, оставь Нинну в ее вольере. Она может провести спячку в нем. Сначала приготовься к этой разлуке. Ты

увидишь ее следующей весной…»

У меня снова навернулись слезы. Я был рад, что Джулия понимала меня и что мой ежик останется со мной. Но мысль о том, что я не увижу ее всю зиму, заставляла страдать. Это был один из таких моментов, когда плачешь без остановки.

Между тем осень раскрасила двор, поля и леса. Однажды вечером, 14 октября, произошло кое-что весьма удивительное. Мы с мамой только что поужинали. Я подошел к окну, посмотреть на Нинну, гулявшую в своем вольере. Джек с Лилли тоже были во дворе. Он увлеченно перетаскивал камень, она весело кружила вокруг него. Их было хорошо видно в свете желтых светильников рядом с клумбами.

Я повернулся к матери, чтобы ответить на ее вопрос, а когда снова посмотрел на улицу, обеих собак уже не было. Джеку было не свойственно оставлять работу недоделанной. Через несколько секунд они залаяли, как сумасшедшие. Я позвал их, но они не пришли. Собаки лаяли агрессивно, как на незнакомца, зашедшего в сад. Слегка обеспокоенный, я решил пойти проверить. Взяв фонарик, вышел на улицу. Лилли и Джек у забора на заднем дворе, в самом темном месте, неистово протестовали против чего-то или кого-то. Когда я подошел к ним, то не заметил ничего необычного, но их бешеный лай не умолкал. Я посветил фонариком везде, но все, казалось, было на месте. Наконец, я смог их успокоить.

Я уже собирался заходить в дом, когда отчетливо услышал хорошо знакомый звук. Мое сердце екнуло. Мой натренированный слух безошибочно разобрал «тук-тук-тук» бешено колотящегося сердца ежика. «О господи, Нинна сбежала из вольера!» – воскликнул я в темноте. Я бросился в ту часть двора, где жила моя ежиха. Она была там, занятая охотой.

Но тогда чье напуганное сердечко это было?

Я побежал обратно, туда, где собаки снова начали нервно лаять. Пригнув цветы и раздвинув кусты, я наконец увидел. Это был напуганный ежик. Я аккуратно его поднял. Он свернулся, обороняясь, но потом немного раскрылся, показав свой нос. Он был красивым созданием. У него были самые красивые глазки, какие я только видел. Что делать? Я позвал маму и попросил ее закрыть где-нибудь Лилли и Джека. Затем я сел переписываться с Джулией.

«Я нашел ежика во дворе!»

«Он большой или маленький?»

«Меньше Нинны. Выглядит грамм на 500 или около того».

«Его вес почти предельный для того, чтобы пережить спячку, но пока есть время. Может быть, он наберет вес, если ты будешь

его регулярно кормить».

«Джулия, это мальчик!!!:)»

«Ха! Наверное, кто-то сказал ему, что у тебя живет хорошенькая леди!!!:)»

Я посадил ежа на землю, точно в то место, где его нашел, и поспешил за сухим кормом для него, кормом для котят, который так же очень нравится ежам, и водой.

Но следующей ночью малыш не пришел. Еда и вода остались нетронутыми.

Я заменил воду на свежую и обновил корм.

Прошло несколько дней. Ежик не появлялся. Однако иногда немного еды исчезало.

Я снова обратился за советом к Джулии.

«Не уверен, что еду съедает ежик. Это может быть соседский кот или какое-то другое ночное животное».

Она предложила:

«Попробуй положить рядом кедровые орехи. Коты их не любят. Поэтому, если их тоже не будет, возможно, это еж. Но учитывай такую вероятность, что ты больше его не увидишь. Он мог просто проходить мимо».

Я пожалел, что не оставил его у себя. Я бы вдоволь кормил его, чтобы подготовить к зиме. Тем не менее я продолжал оставлять корм для котят с кедровыми орешками в разных местах двора. И нашел маленькую дыру в заборе. Определенно, ежик пришел через нее. Я стал оставлять немного мясных консервов рядом с ней.

26 октября после ужина я пошел менять старый корм на новый, как обычно. И рядом с дыркой в заборе был еж! Мое сердце запрыгало от радости. Он смотрел на меня своими милыми глазками. И не шевелился – растерявшись, как будто его поймали с поличным. Или может быть, его просто ослепил свет моего фонарика. Медленно я дотянулся до него и поднял. Его нежный, беспомощный взгляд очаровал меня.

Глава 16
Нинна и Нинно

Я зашел домой и взвесил ежа. 450 грамм. Я тщательно осмотрел тельце, чтобы проверить, в порядке ли он. Еж часто дышал. Я предположил, что это от страха, но не был уверен. На нем обнаружилось несколько клещей. Я передал эту исходную информацию Джулии. Она ответила незамедлительно:

«Он слегка маловат. Понаблюдай за ним в течение нескольких дней, просто чтобы понять, что нам лучше сделать для него».

На следующий день, в воскресенье, пришла Грета. В последнее время, отчасти, может быть, потому что я все еще оставался у матери, мы виделись чуть реже. Я сразу показал ей нового ежика.

– Ты прав, он очень милый. Какой симпатяга! Как ты его назвал? – поинтересовалась она.

– Я нашел его прошлой ночью. И еще не придумал имя.

– Как тебе Ангельское Личико?

– Нет, слишком длинное.

– Ну, раз у нас уже есть Нинна, как насчет Нинно?

– У нас богатая фантазия на имена! – ответил я, смеясь.

Она тоже засмеялась.

– Ой, перестань. Нинна и Нинно. Какая парочка!

Что ж, в конце концов, мне понравилось имя Нинно.

Ежик, или ежастик-глазастик, как остроумно прозвала его Грета, поглощал еду в своей клетке с завидным аппетитом. До этого я вытащил пинцетом его клещей и убедился, что удалил их головки. Я не использовал никакие вещества, потому что, если клеща побеспокоить, он выделяет токсины в своего хозяина.

Я перепроверил каждый миллиметр кожи ежика: все чисто. Одна проблема была решена. Но меня беспокоило его дыхание. Я

отправил Джулии видео.

Она ответила:

«По видео трудно понять. Для надежности я бы рекомендовала сделать ему рентген легких. Пока.

PS: Хотя ты удалил клещей, было бы неплохо дать Нинно средство от насекомых-паразитов. Выбирай такое, которое подходит ежам».

Я решил отвезти ежа Джанни – моему хорошему другу из Асти и ветеринару, специализирующемуся на кошках и собаках. Он осмотрел его самым тщательным образом, от и до.

– По-моему, он в порядке. Я не вижу никаких заболеваний. У него в кишечнике нет паразитов. Рентгеновский снимок будет готов через минуту, но все должно быть нормально, – сказал он мне спокойным голосом.

– Отлично! Пойду отнесу Нинно в машину и вернусь, чтобы посмотреть рентген.

Я положил его в маленькую картонную коробку на заднем сидении, накрыл его маленьким одеялом и пошел обратно в клинику. Джанни был прав: рентген подтвердил его мнение. Я попрощался с ним и ушел совершенно счастливый. Вернувшись в машину, я решил проверить Нинно. Коробка была пуста! Я не мог понять, как такое возможно. Но его там не было. Я обыскал всю машину – заднее сиденье, переднее сиденье, багажник. И еще раз. И еще. Исчез! Не мог же он испариться! И машина была закрыта, значит, никто не мог его взять. Это не укладывалось в голове.

Что мне было делать? Что ж, Нинно был маленьким и мог залезть куда угодно. Мне нужно было проверить каждый укромный уголок. С растущей тревогой я начал вытаскивать все вещи, хранящиеся в машине. Мой набор хирургических инструментов. Коробка со шприцами. Потом металлодетектор, я использовал его, чтобы находить металлические инородные предметы, случайно проглоченные животными, и коробка с магнитами. И набор термометров. И стетоскоп. И упаковка с капельницами. Две пластиковые коробки лекарств. Пайеты для искусственного осеменения. Аппарат для УЗИ. Пищеводный зонд. Гинекологический зонд. Влагалищное зеркало. Ведро. Сапоги. Емкость с жидким азотом для замораживания спермы. Антисептик. Перчатки с длинным рукавом. Перчатки с коротким рукавом. Полиэтиленовые бахилы. Полиэтиленовые комбинезоны. Форма для медицинского осмотра. Запасные рубашки. Разные головные уборы, включая ковбойскую шляпу. Сумочка с бланками для рецептов и сертификатов. Айпод, который я не видел тысячу лет. Кипы ветеринарных газет и журналов. Пустая коробка для Нинно и бесполезное одеялко. И, может быть, еще какие-то вещи,

которых я не запомнил.

Я вычистил машину и захламил улицу. Все эти вещи, вываленные на тротуар и площадь, без сомнения, создавали сюрреалистическую картину. Но Нинно не находился. Он не мог выйти из машины! Или мог? Я удрученно посмотрел по сторонам и только тогда заметил, что за мной, остановившись, наблюдают шесть или семь любопытных прохожих. Я был расстроен, но все-таки заметил недоумение в их глазах.

Поэтому я сказал: «Прошу прощения, надеюсь, я вам не мешаю. Я сейчас уберу все обратно. Просто я потерял своего ежика». Мои извинения вызвали несколько доброжелательных улыбок. Но услышав «потерял ежика», мои слушатели внезапно разделились: половина думала, что это было неправдоподобное оправдание, и разочарованно качала головами; вторая половина засомневалась в моей адекватности. Некоторые на всякий случай отошли подальше. Обеспокоенный, я не обращал на них внимания и стал рассказывать историю Нинно. Как я нашел его, убрал клещей, что он слишком маленький, что я привозил его на рентген. «Я достал из машины все, но его нигде нет», – подытожил я с досадой.

Девушка в красной куртке показала на конкретное место в машине и сказала:

– Там сзади еще одна коробка.

– Да, но она закрыта, он не мог туда попасть, – возразил я угрюмо.

Тем не менее я открыл ее и… увидел Нинно! Он мирно спал, устроившись поверх моих медицинских халатов. Как он умудрился туда залезть? Передвигая вещи, я заметил, что на задней стороне коробки была маленькая дырочка. Ликуя, я взял ежика в руку и, демонстрируя его, как трофей, закричал публике: «Нашел!» Девушка в красной куртке начала аплодировать, выражая свою радость по этому поводу. Скоро остальные последовали ее примеру. Широкие улыбки вокруг и удивленные глаза, устремленные на Нинно.

Между тем еж проснулся и смотрел на меня сонными глазками. Я нежно погладил его и поместил обратно в коробку. Некоторые зрители помогли мне загрузить все принадлежности сельского ветеринара обратно в машину. Когда все было разложено по местам, я поблагодарил их и сел в машину, чтобы уехать домой. Некоторые махали, другие кричали на прощание. Девушка в красной куртке послала Нинно воздушный поцелуй.

В тот же вечер я рассказал о нашем маленьком приключении кузену Франческо. Мы оба умирали со смеху, представляя, как я опустошаю машину перед зрителями. Что ж, все хорошо, что

хорошо кончается.

– У меня есть идея, – сказал я внезапно. – Я хочу создать парк, в котором ежи и другие дикие животные смогут жить в безопасности и радости.

– С чего начнем? – радостно спросил он в ответ.

Я купил сотню дубовых саженцев, и мы с Франческо высадили их в ряд на холме рядом с нашим домом, на участке земли, принадлежащем моей матери. Это был первый шаг. Если Нинна вдохновила меня на создание центра для ежиков, то Нинно подал идею заповедника для них.

Глава 17
Только по любви

Нинна ела меньше обычного. И стала очень беспокойной и раздражительной по ночам.

Как-то раз я подошел, чтобы успокоить ее. Протянул руку: «Нинна, ради бога, успокойся!» Она остановилась на мгновение, а затем попробовала атаковать меня. Попыталась укусить мою протянутую руку. Я не ожидал такой реакции. Было больно. Но я взял ее в руки. Подождал, пока она успокоится, и она, казалось, вернулась в свое обычное состояние. Однако подобное повторялось еще несколько ночей.

> В ней говорили ее природные инстинкты. Она хотела уйти. Песни ее сирен звали ее, и она хотела следовать за этим первобытным зовом. Но к тому моменту было уже поздно отпускать ее.

Сожаление и чувство вины переполняли меня в эти дождливые, свинцовые дни…

* * *

Погода становилась прохладнее, а ночи длиннее. Осень подходила к концу, приближалась зима. Понемногу Нинна становилась все менее и менее активной. Я утеплил крышу ее домика, соорудив что-то наподобие полой стены, набитой сеном. Я хотел, чтобы у нее был надежный домик. Что касается Нинно, он должен был остаться в своей клетке в гараже моей матери. Идеальная температура для него была около пятнадцати градусов. Я собирался продолжать кормить его. Ему нужно было

набрать вес в 650 грамм до спячки.

Джулия написала мне:

«Но Нинне лучше остаться на улице. Не заноси ее домой. Перепады температур не пойдут ей на пользу. Ты увидишь, что она уснет. Не буди. Ты заставишь ее зря расходовать энергию. Ежам необходима спячка. Оставь ее в покое. Вы увидитесь в апреле. Доверься ей. Она знает, что делать».

Несколько дней я думал о том, что мне действительно пора возвращаться домой. Я был по-настоящему счастлив у матери, но оставаться у нее было бы неправильно. Однако у меня не было уличного вольера, поэтому Нинна и Нинно должны были остаться у нее.

Однажды утром, пока мы пили чай, мама обратилась ко мне со словами:

– Ты не можешь и дальше спать на диване. Ты толком не высыпаешься на нем. Знаешь что? Я куплю кровать. Хорошую, двуспальную. Поставлю ее в комнату рядом с гостиной, это будет твоя комната.

Она сияла, ее зеленые глаза горели.

Мне не хотелось тушить этот огонь в ее глазах, но время пришло.

– Я должен вернуться к себе. Я был там пару дней назад. Дом словно заброшенный. Мне нужно включить отопление и немного прибраться.

На комнату упала тень грусти.

– Дома начинают разрушаться, если в них не жить, – добавил я шепотом.

Я говорил тихо, мне казалось, так слова меньше ранят.

– Массимо, заезжай хотя бы поужинать. Время от времени, – сказала она после долгой паузы, наполненной потерянными взглядами и нахлынувшими мыслями.

Она старалась не показывать своей грусти. С веселым видом начала перечислять блюда и угощения, которые будет готовить.

– Конечно, я буду заезжать на ужин. Какое-то время, – пообещал я.

Я отправился на работу, оставив маму заниматься своими делами. Мы улыбнулись друг другу одинаковыми легкими улыбками, пытаясь скрыть накатившую на нас грусть.

На следующий день мы с Лилли и Джеком уехали домой.

Каждый вечер я отправлялся на ужин к матери и исправно навещал Нинну и Нинно. Однако меня утомляли поездки туда и обратно. В итоге я решил: заберу ежиков к себе и буду навещать маму лишь пару раз в неделю. Но у меня не было уличного вольера, только маленький загончик, который я построил

давным-давно и который не соответствовал сезону и их текущим потребностям. Поэтому я соорудил два больших вольера на своем чердаке. Это было большое, просторное помещение без отопления и мебели. Оно казалось идеальным. Я решил оставить Нинну и Нинно здесь.

Я знал, что Джулия этого не одобрит. Я был уверен, что она возмутится, и даже не писал ей о переезде. Я понимал, что поступал неправильно, поэтому не решился сообщить.

Примерно тогда у меня появилась идея поселить двух ежиков вместе. Мне захотелось, чтобы они встретились – было любопытно, как они себя поведут. Я надеялся, что они подружатся и, кто знает, может, даже понравятся друг другу. Итак, я взял Нинно и поместил его в вольер Нинны. Присев рядом, я наблюдал за ними. Она проявила инициативу и начала фыркать на него. Он тоже стал отвечать ей фырканьем. Они обдували друг друга несколько раз. Нинна вела себя гораздо агрессивнее, чем Нинно. Скромняга съеживался, свернувшись в шар, закрывался. Она же, нахальная и любопытная, ходила вокруг него кругами.

Я долго смотрел, как без конца повторялась эта сцена, после чего решил оставить их наедине и спустился вниз, чтобы заняться другими делами. После пары телефонных звонков и нескольких минут проверки почты в компьютере я отчетливо услышал громкое и повторяющееся пыхтение одного из ежей: «фффоо, фффоо, фффоо». Я никогда не слышал, чтобы они так тяжело дышали. Возможно, они дрались? Перепугавшись, я бросился вверх по лестнице, и когда оказался на мансарде, мое сердце ушло в пятки.

Меня словно молнией ударило. Я был готов ко всему, но только не к этому.

Нет, они не дрались.

И никакая любовь не проснулась между ними.

Совсем наоборот.

Не моргая и недоумевая, я наблюдал сцену, при одном только воспоминании о которой мне до сих пор становится смешно. Номер, достойный Цирка дю Солей! Нинно полностью свернулся, как… еж, скажем так. Идеальный упругий мяч. Нинна, серьезная и сосредоточенная, ловко и аккуратно поддевала его своим носом и подкидывала вверх, заставляя переворачиваться в воздухе. И так она кружила Нинно-шар влево и вправо, вверх и вниз, по всему вольеру. Умора! Я прыснул со смеху. Я ждал, что в любой момент она дополнит представление и вскочит на мяч в акробатическом прыжке, приземлившись на носочки.

Чтобы уберечь его, я забрал бедного Нинно и положил обратно в вольер. Любви не было места между ними. Возможно,

сезон был неподходящим для романтических отношений. Позже я узнал, что ежи не вступают в отношения с любой другой особью, а следуют исключительно своим «симпатиям». Естественно, самцы не уделяют так много внимания выбору. Самки, напротив, кажутся более избирательными.

* * *

Зима тянулась медленно. Одним декабрьским вечером был сильный снегопад. На следующий день все было засыпано толстым слоем снега. Я смотрел на эту бесконечную белизну из окна мансарды и радовался, что мои ежики были рядом со мной. Целые и невредимые. Да, я знаю, Нинна, вероятно, выжила бы и сама. Но мне так было гораздо спокойнее. Нинно хорошо питался и весил уже 800 грамм. К тому времени он ел меньше и начал впадать в спячку.

Технически два моих ежика впадали не в нормальную спячку, а в предварительную. Во время настоящей спячки их физиологические функции замедляются, чтобы сократить расход энергии. Их сердцебиение и дыхание сильно замедляются. В природе ежи просыпаются в редких случаях и никогда не покидают своего гнезда; они остаются в нем и просто снова засыпают. Мои ежики спали только по несколько дней подряд, потом просыпались и немного подкреплялись перед тем, как опять погрузиться в дрему. Я то и дело проверял их. Боялся, что они умерли. Поэтому я трогал Нинну. Побеспокоенная, она фыркала на меня.

Ладно, она была жива.

Глава 18
Спасение Трилли

Конец февраля. Прекрасный, хоть и холодный вечер. Я ехал на большой скорости. Дорога была свободной. Я возвращался домой от своих близких друзей, Эцио и Даниэлы. Мы вместе с ними и другими друзьями когда-то ездили в Австралию. На самом деле Даниэла родом из Австралии, и именно она организовала путешествие. Я думал о них и о нашем разговоре, когда увидел что-то посередине дороги в свете моих фар. За долю секунды я понял, что это еж.

Что делал ежик посреди дороги в сезон спячки?

Но он был там.

Я резко притормозил. Зная, что не успею остановиться перед ним, я старался ехать прямо, чтобы ежик оказался между колесами.

Если ежик останется на месте, я проеду, не задев его.

Если он не сдвинется с места.

Я больше ничего не мог сделать.

Проехав то место, где был еж, я обернулся. Получилось ли у меня не задеть его? Я включил аварийные огни и сдал назад. Я подъехал ближе к тому темному пятну на дороге, остановился, выскочил из машины и подошел к ежику. Я не переехал его. Слава богу! Он не сдвинулся с места, пока моя машина проезжала над ним. Он был очень худым – полоска, темный прямоугольник на асфальте. На секунду я подумал, что ежик собирался умереть.

Вдалеке замелькали огни быстро приближающего грузовика. Нельзя было терять время. Я схватил ежа голыми руками и почувствовал, как в кожу вонзились его иглы. Но я не обращал внимания. Надо было как можно быстрее унести его с проезжей части. Еле успел. Водитель большегрузного трейлера начал бешено сигналить, сотрясая тишину ночи протяжными гудками. Он проехал мимо меня с ежиком и мимо моей машины. Когда он исчез вдали, гневно непрерывно сигналя, я понял, что нужно

было переставить машину. Нельзя останавливаться на дороге. Здесь не было укрепленной обочины, это было опасно.

К нам опять приближались, пока еще маленькие и далекие, огни фар. Я, конечно, не хотел стать виновником аварии. Запрыгнул в машину, положил ежика себе на колени и поспешил прочь. Одной окровавленной рукой я держал руль, другой такой же оцарапанной рукой нежно гладил ежика. Пока ехал, я то и дело посматривал на него. Мне было ужасно жаль его.

Сразу по приезде я взвесил его. 380 грамм. Маленький. Так и думал. Я поместил его в клетку, а чтобы ему было теплее и удобнее, постелил на дно старый шерстяной свитер. Рядом я оставил немного еды в маленькой миске. Позже я пришел проведать его. К сожалению, он ничего не съел: еда осталась нетронутой. Ежик тоже не сдвинулся ни на сантиметр. Я написал Джулии. Она ответила:

«Я практически уверена, что он истощен. Не корми его. Тебе нужно его согреть и восполнить дефицит воды».

Прочитав ее сообщение, я сразу положил рядом с ежиком бутылку горячей воды. Потом приготовил инъекцию из равных частей 5-процентной глюкозы и физиологического раствора. Пинцетом я отодвинул несколько иголок в области поясницы и захватил складку кожи. Сделал укол. Ежик не реагировал. Он выглядел грустным и подавленным. Мне стало беспокойно. Я поставил его клетку в своей комнате у кровати.

Через некоторое время меня разбудил странный звук. Что это было? Спросонья я не мог ничего понять. Но через пару секунд все было ясно. Кашель. И опять. Рядом. Кашель ежа был похож на детский. Младенческий. Сначала покашливания были тихими, затем стали громче, пока не перешли в протяжный, усталый плач.

Тихая пауза, и затем все начиналось снова, до боли одинаково. Кроме кашля, иногда беднягу мучила рвота. Я сразу написал Джулии, которая передала телефон Джерарду. Он порекомендовал антибиотики. И сказал мне, что кашель могла вызвать легочная нематода. Следовало обследовать ежика как можно скорее.

Утром я отвез его своему другу Джанни, который обнаружил под микроскопом огромное количество личинок паразитов. Заражение обычно происходит при поедании зараженных слизней или улиток. Хозяин и паразит могут мирно сосуществовать, но если ежик заболеет или ослабнет, нематода может взять верх и вызвать серьезное респираторное заболевание.

Вот почему ежик не ушел в спячку. Или, возможно, он заснул, но затем проснулся из-за кашля или, в любом случае, потому что ему нездоровилось. Я быстро начал лечение, но он по-прежнему

ничего не ел. Кто-то предложил назвать его Трилли. Не помню кто, но на этот раз не Грета. Мне нравилось имя Трилли. Оно ассоциировалось у меня с приятными звуками, чем-то сказочным. Я находил его милым.

Был вечер субботы, и я планировал встретиться с друзьями. Вместо этого я сидел с ежиком и разговаривал с ним.

– Трилли, все сегодня идут отдыхать и веселиться. А я собираюсь остаться с тобой и составить тебе компанию, попытаться тебе помочь. Хорошо? Но взамен я попрошу тебя об одолжении. Ты должен поесть. Хорошо?

Он посмотрел на меня. Когда я спрашивал: «Хорошо?», он, казалось, слушал внимательнее. Может быть, смена интонации вызывала его интерес.

Я приготовил специальную смесь. Размочил горсть корма для котят в воде. Затем добавил чайную ложку влажного кошачьего корма. Измельчил все блендером и немного разбавил водой до консистенции пюре, добавил несколько капель витамина В. Набрал смесь в шприц. Ежик сидел ко мне спиной. Я поднес шприц к его рту, он быстро отвернулся в другую сторону. Я снова сунул ему шприц. Эти движения туда-сюда его маленькой головки и моего шприца повторялись по меньшей мере раз двадцать. Влево, вправо, влево, вправо.

Пока…

Когда он вертел головой, я случайно капнул едой ему на нос. Трилли сразу перестал мотать головой и начал облизывать свои усы, шумно и ритмично причмокивая. Ему понравилось мое блюдо. Он все еще сидел ко мне спиной, но его мордочка была повернута в мою сторону. Его глаза заблестели ярче. Казалось, он просил еды. Я медленно нажимал поршень, а Трилли ел. И ел. Я не торопил его, подстраиваясь под его темп. Повлияла ли моя речь о субботнем вечере или он просто оценил мои кулинарные старания на пять ежиных звезд? Если серьезно, вероятно, начали действовать антибиотики, но – с вашего позволения – мое блюдо заслуживало внимания!

Так Трилли начал есть. Завидев меня с шприцем еды в руке, он сходил с ума от радости. Потом он начал есть сам из миски. Избавиться от кашля и нематоды было трудно, но в итоге мы их победили. Трилли начал округляться и набирать вес. К началу лета он весил полтора кило!

> Спасение маленького создания и наблюдение за его возвращением к жизни восхищало меня. Я понял, что нашел свое истинное призвание: помогать ежам, этим маленьким зверькам, на которых обычно никто не

обращает внимания. Помогать, отдавать.

На веб-сайте любителей ежей я нашел высказывание, точно описывающее мое отношение. Я не помню дословно, но смысл был таким: «Ни один день твоей жизни не прожит по-настоящему, если ты не сделал что-то для кого-то, кто никогда не сможет тебя отблагодарить». Вот. Именно этого я хотел. И хочу до сих пор.

Глава 19
Рай для мечты

Холода отступали. Длинными зимними вечерами я пытался лучше понять мир ежей. Я хотел узнать, изучить. Я проглотил руководство Пэта Морриса «Ежи», «Еж: я тоже здесь» Марины Сетти и справочник «Ежи в ветеринарной практике», составленный немецкой ассоциацией Pro Igel. А также «Реабилитацию ежей» Кей Буллен и «Колкий вопрос: моя жизнь с ежами» Хью Уорвика.

В интернете я нашел несколько очень интересных сайтов: «Британское общество защиты ежей», «Вейлский госпиталь для диких животных» – один из крупнейших центров спасения диких животных в Европе, «Ежик внизу» – английский центр спасения ежей, «Про ежа» – первая немецкая ассоциация защитников ежей и «Друзья ежика», швейцарская организация. Я начал с ними переписываться, участвуя в обсуждениях на форумах, задавая вопрос за вопросом.

Я познакомился с Тони и Дорте, очень известными экспертами по ежам, первая из Англии, а вторая из Дании.

Дорте. Наше знакомство было необычным. Только я успел задать вопрос на американском форуме о ежах, как сразу же получил заявку в друзья на Фейсбуке. Из Дании. Это была Дорте. Я сразу же принял ее, и мы начали общаться, обмениваясь впечатлениями и замечаниями о ежах. После продолжительной переписки в течение нескольких дней я получил странный вопрос. Дорте интересовалась:

«Ты мужчина?»

Я ответил:

«Да, конечно».

Она напечатала в ответ:

«О Боже, я написала тебе сотню сообщений, думая, что ты женщина!!!»

В одно и то же время мы рассмеялись, она в Дании, а я в

Италии. Я написал:

«Разве это имеет значение?»

«Нееет!!! Просто забавно! Я имею в виду, забавно не то, что ты парень! Забавно, что я ошиблась!»

Так, с легкостью и улыбкой, завязалась прекрасная дружба. Она окрепла и до сих пор остается дружбой, состоящей из обмена советами о ежах, взаимопонимания, дарящего защиту и спокойствие, из добрых шуток и конструктивного сравнения.

Тем временем, пока стояла хорошая погода, мы с кузеном Франческо построили большой, десять на пять метров, вольер у меня во дворе, с прочным забором по периметру. Внутри росло величавое вековое оливковое дерево, дававшее тень, необходимую в жаркие месяцы. Плюс кусты. И большой розмарин. Я был доволен. Получилось по-настоящему красивое, функциональное пространство. Кроме того, я выкопал несколько небольших ямок – похожих на мини-норки – рядом с оливковым деревом.

В начале марта я переселил Нинну и Нинно вместе с их домиками в новый вольер. Казалось, им понравилось. Когда я звал Нинну, она прибегала ко мне. Нинно, наоборот, становился все более замкнутым и пугливым, часто прятался. Потом я находил его в норке или под кустом розмарина. Он даже залезал на него. Однажды я увидел его сидящим на самом верху, на одной из верхних веток. Как попугай. Он сидел там спокойный и собранный, король мира.

Ладно, я знаю, мне не следовало помещать Нинну и Нинно в один вольер. Правильнее было бы поселить их отдельно. На самом деле они могли спариться и обзавестись потомством в неволе. И это было бы нехорошо. Но когда я только начал заниматься ежами, то допустил много ошибок, которые позже старался исключить. И все же меня успокаивало отсутствие чувств между двумя ежиками. И это сработало. Нет спаривания, и нет ежат.

* * *

Весна была ужасной: проливные дожди, невероятные ветра, небольшие ураганы. Однажды ночью я проснулся из-за страшного ливня. Дождь лил как из ведра, вода текла потоками, ручьями. Повсюду. Бушевал ветер. Вывернутые с корнями, сломанные, поваленные деревья. Раскаты грома, похожие на взрывы. Дребезжание окон, противостоящих порывам. И другие, более жуткие и непонятные звуки. Молния озаряла темноту резкими

вспышками. Просто светопреставление. Даже свет погас – отключилось электричество.

Я заволновался, что двум моим ежикам на улице угрожала серьезная опасность. Я ринулся к вольеру и стал звать Нинну. Я промок насквозь. В свете молнии я увидел, как ко мне подошел Нинно. Я схватил его в охапку и занес в дом. Быстро завернул его в полотенце и посадил на коврик у камина, в котором еще горело несколько поленьев. Подбросил дров, чтобы он не замерз. Затем побежал обратно, чтобы найти Нинну. Но ее нигде не было. Я изо всех сил звал ее, пытаясь перекричать ливень. Ни следа. Я не сдавался и продолжал звать. Я хорошо знал ее, знал, что она, в отличие от Нинно, не будет прятаться. Знал, что когда зову ее, она приходит. Где же тогда она была? Я был в отчаянии.

После двух часов активных поисков, даже вокруг вольера и за пределами двора, я вернулся домой. Ярость небес ослабевала. Я вымок до костей, слезы текли по моему лицу вперемешку с каплями дождя. Поникший, с мыслями о смерти. Что же такого ужасного случилось с моей любимицей?

Я зашел в дом и подошел к камину. Сел на ковер рядом с Нинно, который не сдвинулся с места. Медленно убрал полотенце, в которое завернул его. И затем, при свете огня – электричества все еще не было – я увидел. Это был не Нинно! Это была Нинна! Я обнял ее и воскликнул: «Нинна! Моя Нинна! Это ты! Ты жива!» Я ликовал. Но как я мог перепутать их? Думаю, при свете одних молний и под проливным дождем этой темной ночью… могло произойти все, что угодно. Прибавить сюда волнение, спешку и страх, можете себе представить. Мне следовало бы догадаться, что это не мог быть Нинно, который никогда ко мне не подходил вот так.

Я прижимал Нинну к груди. В полной тишине. Это было счастье. Я не слишком беспокоился за Нинно. Он всегда прятался. Я был уверен, что он нашел себе укрытие. Господи, мой желудок скручивало от переживаний…

Дождь прекратился. Вскоре наступил серый рассвет, окруженный перламутровым сиянием. Я пошел к вольеру. Маленькие глазки Нинно смотрели на меня из норки под оливковым деревом. Я ласково погладил его носик. И посадил Нинну рядом с ним. Все было хорошо.

* * *

Несколько дней спустя я помогал своему другу Маттео стерилизовать кошку. После того, как операция была закончена и

кошка начала приходить в себя, мы с ним разговорились. Я поделился своей мечтой о создании природного заповедника, в котором могут счастливо жить ежики. Рассказывать ему о своих фантазиях было легко, потому что он понимал их. «Массимо, поехали со мной. Мы отвезем кошку ее хозяйке, и я покажу тебе особенное место», – сказал он. Я улыбнулся. Мне стало интересно.

Мы добрались до места на границе с Лигурией. Природа вокруг была потрясающей: зеленые холмы, спокойные долины, окруженные лесами равнины. Получив свою кошку, Сюзанна встретила нас с распростертыми объятиями.

Сюзанна. Большие голубые глаза. Безмятежность. Меня поразили ее интеллигентность и спокойствие. Бывшая ученица Ошо, индийского гуру, она проводила время в своем доме, окруженном розами, малиновыми кустами и старыми каштанами. Я рассказал ей о своих ежиках. Она предложила выпустить их в ее саду, когда придет пора.

Я огляделся еще раз. Запахи, умиротворенность, свет: это было идеальное место. Я сиял. Мы все сияли. С тех пор мы с Маттео называли это место «Раем». Сюзанна рассказала, что дальше по дороге продается земля, которая отлично подойдет для заповедника. Это были 18 гектаров великолепия. Я связался с владельцем. И начались переговоры о покупке мечты.

Глава 20
Независимость

Все шло своим чередом. Весна тоже. Настала пора открывать мой центр помощи ежам. Я снова позвонил в Центр реабилитации диких животных в Кунео и договорился о встрече. В назначенный день я явился в офис Ремиджо Лучиано, основателя центра. Я постучал, и кто-то внутри сказал: «Входите». Я зашел, и вдруг задумался: «Ремиджо Лучиано – что из этого имя, а что фамилия?» Моя легкая озадаченность из-за незнания, как обращаться к нему, моментально испарилась и сменилась приятным удивлением при виде открывшейся мне картины: пожилой мужчина улыбался мне из-за стола, а на его плече сидела сова.

Совенок.

Совенок покинул свой пост, перепрыгнув сначала на стол, а потом пропутешествовал по комнате туда и сюда. Затем он вернулся на плечо Ремиджо – да, это было имя – и тщетно старался залезть ему на голову. Он разрешал такое обращение, словно оно было самым естественным в мире. В тот момент я подумал: «Я пришел в правильное место». И мое предчувствие оправдалось, когда Ремиджо показал мне центр. Все там говорило о любви к животным, к природе. И уважении.

Комплекс находится сразу за городом Бернеццо у подножия холма. Вдалеке пейзаж обрамляют горы. На территории центра расставлены вольеры и клетки. Ремиджо объяснил мне, что они держат животных только то время, которое необходимо для их лечения. Когда животные выздоравливают, их выпускают обратно на волю. Для неизлечимых животных ищут другие варианты, чтобы животное могло достойно жить в лучших условиях из возможных.

Мы прогуливались мимо зверей и птиц всех видов: волков, оленей, ланей, серн, зайцев, черепах, барсуков, нутрий, соек,

цапель, соколов, орлов, сарычей и многих-многих других.

– У нас также много ежей, – сказал мне Ремиджо, показывая на их вольеры. – Наш центр принимает всех диких животных, нуждающихся в лечении. Мы существуем для того, чтобы помогать им. Иногда их приносят те, кто их нашел. Иногда нам сообщают о них, и мы привозим их сами. Мы всегда готовы ответить на телефонный звонок и оказать помощь, и днем, и ночью. В некоторые годы через центр проходят около тысячи шестисот животных. Немаленькая цифра, правда? Нам нужна помощь. У нас есть волонтеры. Но их не хватает. Их никогда не хватает.

Я увлеченно слушал.

Я сказал ему, что мне не нравится деление животных на первый и второй сорт, делающее различие между редкими и распространенными животными. Он посмотрел на горизонт и кивнул, замечая:

– Каждое создание имеет собственную значимость и уникальное назначение в мире.

Мы подошли к огромным клеткам, не просто широким, но и чрезвычайно высоким.

– Мы используем их для крупных птиц, чтобы подготовить их к полету, – объяснил Ремиджо.

Меня покорило это место, а также Ремиджо, посвятивший свою жизнь помощи диким животным. Заинтересованный я остановился у одного вольера: с одной стороны там был небольшой сарай, из которого выходил олень. Как будто крадучись, он подошел к забору вольера. Встав рядом, олень ласково вытянул свой нос в сторону Ремиджо. Длинные ресницы прятали от солнца черно-золотые глаза.

– Это Минерва, – сказал он, приветствуя ее нежным взглядом. – Она живет здесь с 2004 года. Посмотри, какое у нее величавое выражение! И как элегантно она держит голову и шею, я бы сказал, у нее… королевские манеры. Да, «королевские» – подходящее слово. Я не называл ее Минервой. Ее назвала моя дочь. Я не называю животных. Олень – это Олень, орел – это Орел. Я не люблю давать имена животным, потому что так мы очеловечиваем их. Самое большее, для уточнения я могу сказать «пустельга со сломанным крылом», «гриф с поврежденным клювом», но не более того.

Он предложил мне присесть вместе с ним на ближайшую лавочку и рассказал всю историю Минервы:

– Ей было всего три или четыре дня от роду, когда ее принесли ко мне. Она попала под газонокосилку. Когда детеныш животного слышит незнакомые звуки, он прижимается к траве,

думая, что так будет в безопасности. Мать чувствует угрозу и убегает, пытаясь увлечь за собой детеныша. Но ей не всегда это удается. К несчастью, Минерва осталась. И косилка сильно ее порезала. Одна маленькая ножка отлетела в траву. Ее привезли сюда вместе с отрезанной ногой. Оказав первую помощь, я помчался с ней к ветеринару. Он дал олененку обезболивающее и оперировал ее с шести вечера до часа ночи. Триста пятьдесят швов, наружных и внутренних.

Пару дней спустя она уже чувствовала себя лучше. Она могла опираться на правую ногу, ту, которую пришили. Но не могла на другую. Там было порезано сухожилие, которое невозможно было восстановить, и на ногу нельзя было опираться. Но я был счастлив. Она была спасена. Я кормил ее из бутылочки. Днем и ночью. Только я один – в то время не было волонтеров, которые могли бы меня подменить. В течение дня она ходила за мной по пятам, несмотря на хромоту, пока я заботился о других животных.

Однажды утром, две недели спустя, я подошел к малышке, чтобы, как обычно, покормить ее из бутылочки. На первый взгляд, все было в порядке. Но я кое-что почувствовал. Пахло гниющей плотью. Беспокоясь, я поспешил обратно к ветеринару. Короче говоря, ему пришлось ампутировать ее ногу. Нам изготовили протез, но ситуация была непростая. К тому же Минерва еще росла. Что мы могли сделать? Усыпить ее, потому что одной задней ноги не было, а другая не работала? Ни в коем случае: Минерва хотела жить. Поэтому я решил оставить ее такой, какая она есть, и впоследствии найти ей место для счастливой жизни. Я определенно не мог отпустить ее на волю. Будучи очень слабой, она бы ни за что не выжила.

Несколько месяцев спустя я нашел для нее фантастическое место. Один из наших партнеров, живущий в доме в горах, согласился взять ее и заботиться о ней. Я повез ее. Место было идеальным для нее – кругом зелено, комфортный сарай, построенный специально для нее. Но Минерва смотрела на меня с широко распахнутыми глазами. Затем она начала проявлять признаки беспокойства. Оно усилилось, когда я ушел, а она не могла пойти за мной. Через два дня я забрал ее. Она даже умудрилась пораниться, так что ее культя кровоточила. Минерва тосковала по мне, она очень привязалась ко мне. Как только она меня увидела, захотела подойти. И с тех пор стала моей тенью.

Когда ей было два года, я попробовал еще раз. Попытка с треском провалилась, как и в первый раз. Пришлось смириться с тем фактом, что Минерве нужно было остаться здесь. К тому времени это была ее судьба. В этом была моя вина. Я позволил ей привыкнуть ко мне, лишив возможности жить лучшей жизнью

где-то еще. Мне очень жаль, что я совершил эту ошибку. Это не повторится. У нас в центре мы по очереди кормим животных из бутылочки и заботимся о них. Так за ними ухаживает не один человек, и они не привязываются к кому-то одному, а привыкают к разным людям.

Я внимательно слушал его историю. Время от времени я поглядывал на Минерву, расположившуюся неподалеку. Она свернулась, лежа на траве. Она была прекрасной. И ручной. Ее ноздри то и дело шевелились, казалось, она нюхает воздух.

Немного погодя Ремиджо добавил:

– Мне важно давать животным независимость. Они не должны зависеть от человека. Напротив, они должны опасаться его, потому что он их злейший враг. Животное не может отличить хорошего человека от плохого.

Он дал мне мудрый совет от самого сердца. Я понял это. Но хотя нас обоих объединяла большая любовь к животным, мы были разными, и мне на тот момент было сложно сразу его принять. И все же мне было над чем поразмыслить. Ремиджо встал, подошел к оленю и остановился там, наблюдая за животным. Внезапно он повернулся ко мне и по-деловому сказал:

– А теперь перейдем к нашим звездам – ежам!

Глава 21
Первый пациент «Ла Нинна»

Мы с Ремиджо вернулись в его офис.

Он сказал мне:

– Чтобы сделать заботу о ежах своей работой, нужно получить кучу разрешений.

Мы тут же принялись за дело, написав заявки и заполнив бланки. Мы планировали оформить мой дом в Новелло как филиал Центра реабилитации диких животных в Кунео.

– Разные ведомства будут приезжать с проверками. И они будут очень строгими. Так и должно быть, – пояснил Ремиджо.

Только если все будет в порядке, я получу официальное разрешение. Мы отправили первую заявку властям провинции. Когда мы, наконец, закончили заполнять бумаги, я задал Ремиджо вопрос, не дававший мне покоя:

– Каково это, отпускать животное?

– Я сбился со счета, сколько раз я это делал. И это всегда грустно. То есть нет, это очень хорошо. Извини, попробую объяснить. Дело в том, что ты всегда должен думать о благополучии животного. Расскажу тебе про последний раз – так будет понятнее, – сказал он.

– Это был сокол. Как и всегда, я проверил атмосферные условия, термики, вес животного и мышечную массу. Все было благоприятным. Поэтому я его отпустил. Он взлетел. Чем выше он поднимался, тем, казалось, больше уверенности и скорости набирал. Он кружил в небе, нарезая круги в воздухе. В чистом голубом небе он искал подходящий поток. И нашел его. Широко расправив крылья, он некоторое время позволял потоку поддерживать его, словно зависнув в воздухе. Я подумал: «Какое это, должно быть, прекрасное ощущение». И затем он спокойно улетел. На северо-запад. Мимо деревьев вдалеке. Он превратился в темный силуэт, который становился все меньше и меньше. Пока не стал точкой на горизонте.

Что ж, в этот момент ты счастлив за него. Но в то же время внутри испытываешь горечь. Из-за разлуки. И тебя охватывает страх, потому что ты понимаешь, что в будущем с ним может что-то случиться. Я всегда боюсь, что отпущенные на волю животные пострадают. И мне бы хотелось знать, как они живут дальше. Однажды, перед тем как отпустить грифа, я за свой счет установил на его спине датчик GPS. Четыре тысячи евро, не мелочь какая-нибудь. Да, некоторые люди могут пойти в казино и поставить такую сумму на красное или черное. Я предпочел поставить их на спину грифа. Мы вольны делать свой выбор, верно? Но это настоящая радость, знать, что он жив. И до сих пор летает. Его спасли в районе долины Стура-ди-Демонте. И, когда пришло время, там я его и отпустил. GPS работает от солнечной батареи, поэтому подзаряжается автоматически. Теперь этот гриф в Уэске, в Испании. По крайней мере, оттуда был последний сигнал.

Пока Ремиджо говорил, вошла Карла – одна из его самых преданных и неутомимых волонтеров. Она услышала его рассказ и, повернувшись к Ремиджо, попросила:

– Расскажи ему о змееяде.

– Ах, да! – продолжил он. – Мы спасли обыкновенного змееяда, большую хищную птицу. Вылечили его. И затем вернули его ветру и небесам. Тремя годами позже он снова оказался у нас. С ним снова случилась беда. Мы безошибочно определили, что это он, узнав его по нашему браслету на ноге. Когда он поправился и пришел в форму, мы снова отпустили его. Теперь я повторюсь, приятно знать, что они продолжают жить.

Когда мы попрощались, и я поехал домой, заходящее солнце уже осветило небо своим огнем. Ведя машину, я обдумывал разговор с Ремиджо. Его слова на прощание отдавались эхом в моей голове: «Животные удивительны. Они – сокровища. Все человечество должно относиться к ним с уважением. И к природе. Иначе мы дойдем до точки невозврата. Может быть, мы уже до нее дошли».

Через несколько дней в моем доме началась серия проверок. Шестеренки бюрократии пришли в движение. В начале июня я купил несколько больших клеток, которые поставил в одну из комнат. Это крыло дома предназначалось специально для ежей. Центр становился реальностью. Определиться с названием было несложно: «Ла Нинна». Других вариантов не было! Так появился Центр спасения ежей «Ла Нинна».

Разрешения были получены и всеми подписаны. А потом появился первый ежик. Однажды утром мне позвонила Карла, волонтер, которую я встретил в центре в Кунео:

– Массимо, мы подобрали умирающего ежика на обочине. Думаю, надежды на спасение почти нет. Он в тяжелом состоянии, бедняжка. В любом случае, я привезу его тебе. Кто знает…

Ежика привезли. Карла была права: его состояние действительно было ужасным. Это была очень худая самочка с темными иголками. Она долго пролежала на боку без движения, с трудом дыша открытым ртом. Время от времени она хрипела. Помимо всего прочего у нее была тяжелая пневмония. Я предпринял все, что мог. Делал невозможное, провел ряд специфических лечебных процедур, а потом побежал за небулайзером, чтобы помочь ей дышать. Я провел остаток дня и всю ночь рядом с ней. Вокруг глаз у нее определенно был какой-то микоз. Они были едва приоткрыты, но ее грустный взгляд из-под опущенных век ранил мое сердце.

Рассвет еще не успел прогнать темноту, когда появились первые слабые признаки улучшения. Немного, но достаточно, чтобы дать надежду. Я снял несколько коротких видео на свой телефон, которые я храню до сих пор, чтобы запечатлеть ее состояние. Карла позвонила мне, чтобы узнать новости.

– Она все еще с нами, – ответил я.

Карла не поверила своим ушам. Она была счастлива. Я добавил, что не могу с уверенностью сказать, что ее жизнь вне опасности. Но это уже было похоже на чудо. Малышку облепили клещи. Они были повсюду. На следующие выходные приехала Грета. Я познакомил ее с Селиной, больным ежиком. Да, я уже дал ей имя. Не смог удержаться.

Мы с моей девушкой могли провести вечер субботы весело, отдыхая вместе. Вместо этого мы сели за работу и, одного за одним, снимали клещей с Селины. Бесконечное занятие. Потом Грета посчитала их: более двух сотен! Они определенно внесли серьезный вклад в доведение бедняги до такого скверного состояния.

Дни шли, и Селина поправлялась, наконец, она могла встать. Когда ее состояние нормализовалось, я поместил ее в вольер с Нинной и Нинно на улице. Селина и Нинна примерились друг к другу, фыркая и пыхтя. Выяснив, что она старше и опытнее, Селина начала строить себе гнездо. Это было чрезвычайно увлекательно: она набирала сено в рот и мастерски укладывала его под кустом розмарина, продолжительное время перемещаясь туда и обратно, потому что ходила медленно, пока не закончила свою работу. Изумительное гнездо с одним входом внизу и другим наверху.

Селина мирно гуляла по вольеру. Иногда, хотя это было непросто, она забиралась на крышу домика Нинны и

осматривалась оттуда. Я был счастлив. Первый ежик, поступивший в центр «Ла Нинна», был здоров и невредим!

Глава 22
Дружба, скрепленная кровью

Что же в это время происходило с бывшим малюткой Трилли?

Он по-прежнему был здесь, в Центре спасения ежей «Ла Нинна». Здоровый и упитанный. Однажды я провел эксперимент. Подсадил его в уличный вольер к Нинне, просто чтобы посмотреть, как он себя поведет. Я был приятно удивлен. Нинна ему сразу понравилась, и он начал кружить около нее. Он всегда был таким строптивым и вредным, но с ней проявлял неожиданное терпение и нежность.

Это было очаровательно.

Она осторожничала, но не показывала недоверия. Почти не шевелясь, она посматривала на него своими блестящими глазками. Трилли ухаживал за ней элегантно и нежно. Это было невероятно прекрасно и мило. Когда Нинна начала тонко намекать, что не отвергает его, а, скорее, принимает его знаки внимания, я решил разлучить их, опасаясь, что чувства могут вспыхнуть в любой момент. Я разделил вольер на две части, установив разграничитель, и поместил Трилли в другую его часть. Таким образом он мог жить на улице и заново привыкать к траве и листьям под ногами и небу над головой. И, как я уже упоминал, он набрал целых полтора килограмма.

Да, время пришло…

Я приготовил для него новый, очень хороший дом, так же использовав старый винный ящик. Получился настоящий шедевр, с маленьким лотком, в виде домика, с отверстием десять на десять сантиметров. Миска с едой находилась с противоположной от входа стороны, поэтому коты не могли украсть его корм. И, что касается еды, то помню, что той ночью предложил ему особое блюдо, из разных видов сухого корма и кусочков мяса. И ломтик арбуза.

Я не хотел, чтобы он забывал.

Но кто знает…

Потому что это был наш последний вечер вместе. На следующий день я собирался отвезти его к Сюзанне, в место, которое к тому времени было известно всем моим друзьям под названием «Рай».

Там я собирался его отпустить.

Безоблачное утреннее солнце следующего дня предвещало прекрасную погоду. Было не жарко. Но я чувствовал себя странно. Я был уверен, но в то же время колебался, сомневался. Я боялся, что больше никогда не увижу Трилли. Но мое желание позволить ему жить своей жизнью абсолютно пересиливало. И наполняло меня радостью. И все же к этой радости примешивалась тоска, я уже по нему скучал.

* * *

Все было готово. Я засунул руку в домик Трилли, чтобы достать его. Он укусил меня. Сильно. Мой палец кровоточил.

– Кровь. Вот как ты скрепляешь договор. Посвящение в братство. Чтобы дружба длилась вечно, – говорил я ему с грустной улыбкой.

Мы отправились в путь. Я ехал очень осторожно, чтобы его не укачивало, – я усвоил этот урок во время поездки к морю с Нинной. Более того, я хотел, чтобы все происходило медленно. Мне было нужно проделать это путешествие не просто физически, но также пройти его как более личный, духовный путь.

В машине был Трилли, я и волшебная музыка Людовико Эйнауди. Я заранее выбрал музыку. Она была самой подходящей для этого момента.

Долина за долиной вели нас к горному хребту, оттуда был виден «Рай». Я остановил машину и вышел на минуту. Наслаждаясь открывшимся видом, каждой его деталью, я чувствовал себя хорошо. Небо, земля, горы, трава, деревья, парящие птицы – нетронутая гармония. Более прекрасного места для Трилли нельзя было найти, и на мгновение я почувствовал умиротворение.

Когда мы добрались до «Рая», нас встретила Сюзанна. Ее белые волосы были собраны на затылке. Она была одета в светлое платье до колен. Легкий ветерок колыхал его, и оно опадало мягкими складками. Она держала книгу, прижимая пальцем страницу, на которой остановилась. Как и всегда, ее глаза и улыбка были безмятежными. И искренними.

Мы прошли через ее красивый, местами запущенный двор к

гостевому домику, где иногда останавливались ее друзья. Его каменная кладка была увита плющом и другими вьюнами. Рядом с ним, в тени лавровой изгороди, я поставил домик Трилли вместе с самим ежиком и лоток. И миску со свежей водой. Я делал все с легкостью, Сюзанна наблюдала за мной. Я повернулся к ней и произнес:

– Думаю, все в порядке. Не забудьте, у него всегда должна быть еда и вода. И сегодня вечером, при возможности, проведайте его, просто чтобы посмотреть, вышел он или нет.

Я привез Трилли пораньше специально, чтобы у него было достаточно времени сориентироваться и найти еду и воду до наступления ночи и выхода для исследования местности.

Пришла пора прощаться.

– Пока, Трилли. Я оставляю тебя здесь, в «Раю». Позаботься о себе. Удачи.

Я направился к машине. Перед уходом помахал на прощание Сюзанне. Она помахала мне в ответ, пока один из ее котов пытался поймать колышущийся подол ее платья.

Когда я нашел Трилли, он был в таком ужасном состоянии, а теперь стал сильным и здоровым.

И свободным.

Я был так счастлив за него!

Следующим утром я позвонил Сюзанне. Мне хотелось услышать новости, узнать, как прошла первая ночь. Она ответила:

– Я не знаю, сидит Трилли в своем домике или нет. Я наблюдала допоздна, но он не выходил.

– Что? Вы смотрели за ним все время? – спросил я ее.

– Да. Я села прямо перед его домиком и осталась там. У меня был фонарик, и я иногда светила им на домик. Но я ни разу не видела ежика, – подтвердила она.

– Но если он чувствует ваше присутствие, он не выйдет, – объяснил я.

– Упс… – сказала она.

Мы оба засмеялись, представляя, как Трилли с нетерпением ждет, когда же она устанет и отправится спать, чтобы он мог наконец выйти.

Я вернулся туда на следующий день. Трилли ушел. Но на этом история не закончилась. Несколько раз в течение лета Сюзанна замечала огромного ежа. Она не могла сказать точно, но думаю, это был Трилли. Такие крупные ежи встречаются редко. Он показывался поздним вечером во дворе, рядом с домом и прилегающей территорией. И, естественно, рядом с лотком. Но самое интересное и необычное случилось в августе. Если задуматься, это не так уж и странно: ежата! Много ежат. Я заехал

к Сюзанне. Хотел завезти немного сухого корма и поболтать. Общаться с ней всегда было приятно и интересно. А заодно я увидел всех ежат.

Уверен, что значительная часть этой ежиной колонии была потомством Трилли. Я готов был поспорить. В конце концов, разве я не видел, как он ухаживал за Нинной? Я знал, что девушки не могли устоять перед его чарами!

Глава 23
Энтузиазм заразителен

Центр спасения ежей «Ла Нинна» заработал. Ежи поступали отовсюду. Чаще всего детеныши, но были и раненые взрослые особи. Присматривать за всеми ними становилось все труднее. К счастью, мне помогали несколько волонтеров. Как я нашел их? Ну, на самом деле все произошло случайно. Как, например, когда однажды днем зазвонил телефон. Я сразу ответил. Взволнованный голос девушки на том конце провода.

– Я нашла двух ежат. Я точно знаю, что они ничего не ели по крайней мере два дня. Я не знаю, как им помочь. Могу я привезти их к вам?

Через час она прибыла со всей своей семьей. В одной руке она держала коробку с ежиками. Другую протянула мне:

– Патриция. Я вам недавно звонила.

Я сразу занялся малышами. Первым делом было необходимо восполнить потерю жидкости. В это время Патриция рассказала мне, как их нашла.

– Два дня назад мы увидели мертвого ежа на дороге перед нашим домом. Не знаю почему, но нам сразу показалось, что это была мать. Нам было так жаль ее. Поэтому мы решили похоронить ее во дворе. А сегодня, на солнце, на том самом месте, где мы ее похоронили, оказались два этих малыша. Неужели они учуяли запах ежихи под землей и пришли туда из-за него? Или, может, их гнездо было неподалеку? Или, может быть, они просто проголодались? Мы не знаем. Но факт остается фактом, они были там. И будто что-то искали. Или кого-то… Мы хотели помочь им. Наш ветеринар дал ваш номер. Он сказал, что вы занимаетесь спасением ежей.

– Да, мы становимся популярны, – сказал я, улыбаясь.

Я почти закончил возиться с ежатами.

– Они весят по 80 грамм. У них хорошие шансы на выживание. Оставьте их здесь. Я буду держать вас в курсе.

– Мне нравится, как вы с ними обращаетесь. Нежно, но уверенно, – довольно заметила Патриция.

– Для меня очень важно помогать ежикам. Они такие беззащитные маленькие создания. И их часто не замечают. Мне кажется, они особенные. В любом случае, как и любое создание в этом мире.

На этом мы распрощались.

Но на следующий день Патриция позвонила мне опять и взволнованно сообщила:

– Я нашла еще одного ежика. На том же месте.

Маленький братик, который голодал еще один день. Нельзя было терять времени. Я встретил ее на полпути и, когда вернулся, немедленно приступил к лечению третьего сироты.

* * *

День за днем три ежика подрастали. Патриция с родителями часто приезжали и каждый раз поражались прогрессу.

Маленькие найденыши быстро набрали нужный вес для возвращения в естественную среду. Изначально они были здоровы, им просто требовалось нормальное питание. Мы с Патрицией отвезли их в горы. Далеко, к каким-то ее друзьям. Специально для них был построен «подготовительный» вольер, в котором все трое при должном присмотре могли приспособиться к новым условиям. Через две недели мы открыли ворота и выпустили их на волю. Переполняемые эмоциями, мы наблюдали, как они делали свои первые шаги на свободе, а затем скрывались в траве, через кусты, ничем не сдерживаемые. Миссия выполнена!

– Ты улыбаешься. Но не глазами, – сказала мне Патриция. – В них нет блеска. Ты счастлив и печален.

Именно так я себя и чувствовал.

Она понимала.

Поэтому я осмелился задать вопрос:

– Почему ты так неравнодушна к этим маленьким ежатам?

– Это старая история.

– Может быть, настало время рассказать ее.

– Все началось 29 мая 1999 года, тогда я впервые держала ежика в руках. Не настоящего, а плюшевого. Мне его подарил друг. Потому что я была неразговорчивой. Я все держала в себе – закрывшись, как еж, сказал он. На самом деле он даже называл меня «ежулей». С той поры люди часто дарили мне ежиков,

другие друзья и родственники, пока у меня не собралась целая коллекция. Они были всех видов: стеклянные, серебряные, деревянные. А когда я увидела этих трех настоящих ежиков в саду, из плоти и крови, и их мертвую мать… что-то щелкнуло у меня в голове.

Я кивнул. Мгновение она молчала, уставившись на горизонт, предавшись воспоминаниям. Затем продолжила:

– Я всегда любила всех животных и втайне мечтала сделать что-нибудь для них. Эти три ежика оказались на моей улице. Значит, так было суждено. Есть еще кое-что. Ваш энтузиазм заразителен. Я тоже хочу как-нибудь помогать ежам.

Это был трогательный момент. Воздух наполнился волнением. Выпуск трех ежей и теперь такое искреннее и бескорыстное предложение помощи. Я скрыл свои эмоции за улыбкой и парой слов.

– Ты в деле! – сказал я.

Она счастливо засмеялась:

– Но я живу далеко от города. Что можно придумать?

Мы оба знали, что, когда есть желание и стремление, способ найдется. Так оно и оказалось. Патриция до сих пор активный волонтер. Она работает удаленно, занимаясь социальными сетями для центра «Ла Нинна» – например, нашей страничкой на Фейсбуке, где отвечает на обращения за помощью, предоставляет информацию или объясняет дорогу к ближайшему центру спасения. Она оформляет наш стенд для мероприятий и готовит информацию или инструкции, проводит раздачу сувениров, обновляет наши контакты и делает многое другое. Ей нет цены! Кроме нее, есть еще несколько таких человек. Волонтеров, помогающих мне в работе и разделяющих мою страсть, мои радости, печали и надежды.

* * *

Тем летом я выпустил много ежей. Всегда в красивых местах. Я больше не отвозил их Сюзанне, чтобы избежать перенаселения участка, поскольку Трилли об этом уже позаботился.

Но у меня по-прежнему оставалась Нинна. Я не мог ее отпустить.

Хотя.

Хотя я постоянно думал об этом. И каждый раз, когда кого-то отпускал, чувствовал вину. Я дарил нормальную жизнь другим ежам, но не Нинне. Вот что написала мне Джулия:

«Отпусти ее!»

Дорте, моя подруга из Дании, также настаивала:

«Для Нинны будет правильным жить самостоятельно. Она здорова и имеет на это право. И у тебя будет больше места, больше времени и больше сил для других ежей, поступающих в твой центр. И для других в будущем. Массимо, не слушай ту малую часть себя, которой управляет эгоизм. Ты не эгоистичный человек».

Они были правы, о да, они были правы! Но это было так тяжело.

Глава 24
Потеря

Тем летом появился Сальво. Девушка нашла его у себя во дворе. Она ухаживала за ним несколько дней, но когда поняла, что состояние ежа ухудшается, обратилась за помощью в Центр реабилитации диких животных в Кунео, и они направили ее ко мне.

Я внимательно осмотрел ежа. Он был в ужасном состоянии. Его передние лапы парализовало. Задние еле двигались, почти не шевелились. Она назвала его Сальво, может быть, потому что хотела, чтобы его спасли, или, возможно, потому что он вообще смог выжить.

У ежа были симптомы серьезного неврологического заболевания. Приступы начинались внезапно. На их пике его рот искривлялся в гримасе. Я знал, что это явный признак недуга. Но он также походил на отчаянный, немой крик о помощи.

Беззвучный вопль.

Который заставил меня очень сильно нервничать.

Во время этих приступов в какой-то момент Сальво запрокидывал голову назад и дергался вверх и вниз – вверх, вниз, вверх, вниз, вверх, вниз – быстро, бесконтрольно.

Я сказал девушке, что ситуация тяжелая. Ее глаза заблестели от слез, и прятать их она не стала. Девушка была не просто расстроена, она была в полном отчаянии из-за несчастья Сальво. Дрожащим голосом она прошептала: «Пожалуйста, сделайте все, что можете».

Я пытался оценивать ситуацию объективно, но мне не удалось полностью отключить эмоции. В глубине сердца я надеялся на чудо, так как не был уверен, что ежа можно вылечить так, чтобы он мог жить на воле. Для точного диагноза и прогноза нам требовались сложные аппараты, такие как компьютерный томограф, который мы обычно не используем.

Я поговорил с Дорте по телефону. Она сказала:

– Если лечение не дает результатов, улучшений, задай себе вопрос, будет ли правильным оставить его жить в таком состоянии?

Это была сложная, бесконечная тема. В самом деле, что это за жизнь, если еж не может ходить или бегать?

Я также обсудил это с нашедшей его девушкой.

– Если его можно спасти, но он не будет самостоятельным, я оставлю его себе навсегда. Я сделаю ему вольер у себя во дворе и буду кормить его. И если мне придется каждый раз кормить его с ложечки, я буду это делать, – сказала она.

Мне бы очень хотелось спросить самого Сальво: «Что бы ты выбрал: жизнь или смерть?» И больше всего мне хотелось, чтобы он мог мне ответить.

Какая дилемма! В любом случае, я решил попытаться. Усилия могли оказаться не напрасными, потому что состояние Сальво было результатом травмы головы. Кроме того, за двадцать лет моей работы ветеринаром я уже повидал другие на первый взгляд безнадежные случаи, закончившиеся неожиданно благополучно. Поэтому в случае Сальво я следовал протоколу, рекомендуемому Вейлским госпиталем для диких животных в подобных ситуациях.

* * *

Я считаю, что эвтаназия – крайняя мера, к которой я бы вообще никогда не прибегал. Потому что она причиняет страдания. Могу оправдать ее, только если нет ни малейшего проблеска надежды. Только когда ситуация действительно непоправима. Только когда нет другого возможного лечения и когда она освобождает от ненужной боли и страданий. Только из милосердия.

Думаю, что даже физически ограниченный еж имеет право жить. Конечно, он не сможет бегать, охотиться и быть самостоятельным, но если он не испытывает боли, почему мы должны лишать его жизни, пусть «другой», но тем не менее не такой уж плохой? Идеально было бы поселить этих «иждивенцев» у людей, готовых заботиться о них с вниманием и любовью. Безусловно, еж, как любое другое дикое животное, должен жить на свободе, но на самом деле есть и такие ежи, которые всю свою жизнь проводят на одном участке.

Одно из моих желаний – создать место исключительно для ежей с ограниченными возможностями на том участке земли, который я купил тем летом рядом с «Раем» Сюзанны. Это еще

один рай.

Да, «одно из желаний», потому что у меня есть много других. Например, еще больше заповедных уголков природы для ежей и других животных, и для дубов, буков, каштанов и боярышника… Одна мечта за другой. Целая куча.

* * *

Мне приходилось кормить Сальво из рук, чтобы он мог поесть, или класть еду совсем рядышком, прямо у него под носом.

Он не мог сдвинуться с места ни на сантиметр.

В тот вечер я взял его с собой, когда пошел спать, чтобы он всегда был у меня на виду. Я не хотел, чтобы с ним что-нибудь случилось в мое отсутствие. Я положил несколько подушек с противоположного края кровати, чтобы еж не упал. Когда я проснулся следующим утром, он лежал ближе. Он подтянулся ко мне. Возможно, он искал тепла. Я открыл глаза и встретил его безропотный и меланхоличный взгляд.

Однажды ночью, как я и опасался, ему стало заметно хуже. Он умирал. Я был опустошен. Я позвонил Дорте. И она помогла мне принять это. Со свойственной ей удивительной чуткостью. Она сказала:

– Не оставляй его умирать одного. Дай ему почувствовать твою любовь. Твое тепло. Возьми его в руки и прижми его к груди. Не отпускай его. Пока он не уйдет.

Я прижал ежа к сердцу. Держал его обеими руками. Я чувствовал себя ужасно, потому что действительно отчетливо ощущал, как его жизнь угасала, покидала его. Его голова снова дернулась. В какой-то миг, я уверен, он посмотрел на меня. Затем раздался вздох. Тихий.

Последний.

Бедный, дорогой, маленький Сальво. Мы не справились. Может быть, он покорил меня, потому что был инвалидом. Есть что-то особенное в ежике с физическим недостатком.

В порыве отчаяния я опять позвонил Дорте. И она снова утешила меня.

В конце августа появилась Джо. Новый, еще более сложный вызов. Она была крохой. У нее были повреждены спина и задние лапы. Ее растерзала собака. Мало того, она была еще и очень маленькой. Всего 17 грамм. Меньше, чем Нинна, когда я встретил ее впервые. Легче шелкового платочка. Легче вуали. Я сделал несколько фотографий и отправил их Джулии. Она написала:

«Она действительно очень маленькая. Массимо, тебе

потребуется много везения».

Я начал лечить ежонка подходящим антибиотиком. Чтобы дать корректную для ее веса и состояния дозу, я разводил какие-то невероятно слабые растворы. Джо отреагировала хорошо. И у нее появился аппетит. Она росла. Помню, как она, выпивая молоко, засыпала на моей ладони. Я улыбался от нежности. Затем очень аккуратно перекладывал ее на подаренное кем-то кашемировое покрывало, и она удобно устраивалась в его складках. По мере ее роста становилось очевидным, что пальцы ее задних лап омертвели. Сначала образовалась полоска потемневших тканей, а затем пальцы отпали. Все сразу.

Так Джо лишилась пальцев на лапках.

Этот дефект исключал для нее возможность жить на воле. Она была очень милой и очень преданной. И я любил ее все больше с каждым днем.

Дорте не отступала:

«Массимо, возможно, Джо – твой подарок небес. Скорее всего, она останется с тобой навсегда. И я уверена, что она поможет тебе расстаться с Нинной, облегчить твои страдания, заполнить пустоту».

Но я всю свою жизнь всегда старался удержать… Мне никогда не хватало сил.

При мысли о разлуке с Нинной меня снова одолевало призрачное чувство одиночества. Гнетущая тоска, затмевающая все остальное.

Глава 25
Тот самый день

Я думал об этом. Постоянно. Не мог придумать ничего конкретного. И вдруг, в первые дни сентября, пришло решение.

Внезапно.

Завтра настанет тот самый день.

Чтобы отпустить Нинну. И Нинно.

Не спеша я все спланировал, до последней детали. Я оставлю их у Сюзанны, в «Раю».

Я не мог думать о том, что мы больше никогда не встретимся. Мой мозг не мог или, по крайней мере, не хотел осознавать эту мысль. То, что я ее больше никогда не увижу, было для меня просто абстрактной, нереальной картинкой. Нинно, его я возможно больше не увижу. Как я уже говорил, он был застенчивый – норовил спрятаться и не приходил на мой зов. Но не она. Она приходила.

Сначала я думал выпустить Нинну в роще рядом с моим домом. Так шанс встретить ее был бы выше. Но по краю рощи проходит дорога, что небезопасно. Да, «Рай» был лучше.

* * *

Нинна нервничала. В начале весны она ела слишком много, но теперь ела меньше. Она сердито пыхтела на других ежей, и никто не осмеливался к ней подойти. Она фыркала даже на меня. Была беспокойной. Дорте сказала: «Если так будет продолжаться, в один из ближайших дней ты обнаружишь ее мертвой». Это было то, чего я точно не хотел. Это меня слишком бы расстроило. Вообще-то я думал, что если отпущу ее, то никогда не узнаю, когда она умрет. И в моем сердце она будет жить вечно, бегать по полям, подпрыгивать, охотиться на жуков, прятаться, воспитывать

потомство, впадать в спячку зимой и просыпаться весной.

> К тому времени я отпустил много ежей. И видел, как светятся их глаза, словно яркие звезды, когда они понимали, что свободны. В этот момент каждая колючка и шерстинка этих маленьких созданий излучает счастье. Я хотел того же счастья для нее, для моей Нинны.

Выпуску на волю в большинстве случаев предшествует своего рода подготовка, чтобы ежи могли освоиться, так же как было с ежиками, которых нашла Патриция. Вольер устанавливался в месте запланированного выпуска, несколько недель под наблюдением и потом… на волю! И мне нравился этот метод. Но он не совсем подходил для участка Сюзанны, чудесного, но слишком удаленного места. Из близлежащего необъятного леса могли прийти хищники, а в вольере у Нинны и Нинно не было бы шанса спастись. Поэтому я сделал для них то же самое, что и для Трилли.

Я приготовил два новых домика. Больших, хороших, удобных. Я их даже утеплил. Кроме этого, купил большую коробку, чтобы переделать ее в лоток для еды.

И в тот вечер, как и перед каждым выпуском, я приготовил шикарный ужин на пять звезд с гарниром из кедровых орехов.

На следующее утро я пошел к уличному вольеру. Я стал звать: «Нинна, Ниннааа…» – слегка изменив голос, нараспев, как при обращении к ребенку. Она высунулась из своего домика. Посмотрела на меня сонными глазами. Я протянул ей немного еды и записал видео, как она ест. Мое последнее воспоминание о ней в моем доме. Я пересадил ее в новое жилище, добавив немного сена из старого домика, чтобы с ней рядом был знакомый запах. И оставил ее там. Она спокойно уснула.

Теперь настала очередь Нинно. С ним было сложнее. Он часто прятался в норе под оливковым деревом. И в самом деле, именно там я его и нашел. Но не мог заставить его выйти. Выход из норы был узким, а Нинно большим. Он вырос огромным, как Трилли. Быстро залезть и вылезти было для него парой пустяков, потому что он мог сузиться, вытянувшись и распластавшись. Без его содействия это было невозможно. Мне пришлось немного подкопать нору, чтобы расширить отверстие. На секунду мне показалось, что я поступаю неправильно; в конце концов, ему и здесь было неплохо. Он никогда не проявлял признаков беспокойства. Но кто знает. В итоге я поместил ежика в домик, и как только загрузил машину, мы отправились в путь.

Как в сценарии к фильму, в этот раз я тщательно выбирал саундтрек для музыкального сопровождения нашего путешествия:

какая-то песня американской группы, которую я услышал за несколько дней до этого по радио. Я не помню ее название, но запомнил, какие ощущения она пробуждала. Нежные мелодии, затрагивавшие струны моей души и уносившие меня в детские сказки и умиротворение колыбельных. Звуки, которые нравились ребенку внутри меня.

Мы ехали медленно, с остановками. Из-за Нинны и Нинно. Я не хотел, чтобы их укачало. И из-за меня. Чтобы продлить время с ними, насколько это возможно. Когда мы приехали, я на минуту огляделся. Место было по-настоящему сказочное. И я был счастлив за моих ежиков.

Сюзанна уже ждала меня, улыбаясь своей безмятежной улыбкой. Мы отправились прямиком к гостевому дому, затем прошли немного дальше, через небольшую поляну и мимо кустов роз. Мы остановились перед маленьким деревянным домиком, построенным много лет назад для ее внуков как место для игр. Но дети выросли, и больше никто не пользовался домиком. В нем были окна, дверь, крыша. В нижней части двери находилась широкая щель, которая, казалось, была создана специально для ежей. Все было идеально. Чуть подальше росла величественная плакучая ива. За ней – кусты ежевики. Справа – поленница. Хорошие укромные места. Я поставил домики с ежами в детскую избушку.

Домики в домике.

Я закончил устанавливать лоток поблизости. Стоял прекрасный день, и с той естественной обстановкой, полной жизни, он был еще прекраснее. Кругом сновали бабочки, стрекозы, пчелы, птицы, ящерицы и другие обитатели «Рая». Я остался у Сюзанны на ужин. «Так мы увидим, выйдут ли Нинна и Нинно», – сказала она. В мгновение ока опустились первые вечерние сумерки. Мы быстро поели и поспешили проверить двух ежиков. Я заглянул прямо к ним в домики.

Пусто.

Жаль, что я не увидел, как она вышла.

Я хотел увидеть ее счастливой.

Позади меня раздался шорох. Я обернулся и посветил фонариком. Это был Нинно. Я погладил его по спине.

Ни следа Нинны.

Я немного задержался. Сюзанна осталась со мной.

– Пусть они наслаждаются своей первой ночью в «Раю», – сказал я, нарушив воцарившуюся тишину.

Через мгновение я попрощался с ней. Я ехал домой, очень медленно ведя машину.

Я был необыкновенно счастлив. Очень счастлив. За Нинну и

Нинно.

Глава 26
Грусть и утешение

На обратном пути в какой-то момент это ощущение счастья дало трещину. Я чувствовал себя немного как отец или мать, которые отпускают детей, уже подросших, идти своей дорогой. Ты счастлив за них, но в то же время встревожен, потому что больше не сможешь их защитить. И знаешь, какие опасности их предостерегают. И боишься.

Если бы я только мог следовать за Нинной, по меньшей мере, оградить ее от барсуков…

Когда я вернулся домой, меня поглотила другая реальность: нужно было накормить всех ежей, ожидавших меня. И позаботиться о них. Я сразу приступил к работе, но когда подошел к вольеру во дворе, то замер. В тот момент действительно пришло осознание, что моей ежихи здесь больше нет. И она больше не подбежит ко мне. Тишина вокруг и чувство отчаяния сильно давили.

Я ощущал пустоту.

Но моментально стер эту мысль.

Пустота была только у меня, и это ничего не значило.

Нинна была счастлива. И только это имело значение.

> Какое-то время я не шевелился, застыв на месте. Минуты, наполненные мыслями: «Я сделал это! Я смог… Я освободил ее». Просто невероятно, что у меня хватило воли. Невероятно, учитывая мой характер. Вот что значит любовь. Дорте была права: «Любить – значит отпускать».

Меня отвлек тихий шорох травы и листьев. Это была Селина. Она подошла к домику Нинны и сидела перед ним. Она смотрела на вход. А потом на меня. Потом опять на вход. Как будто спрашивала: «Где Нинна?» Это читалось в ее глазах, в ее

движениях. После их первых стычек, когда установилась иерархия, они с Нинной жили вместе в ладу. Вероятно, Селина тоже чувствовала ее отсутствие. Это тронуло меня. Мы оба скучали по ней.

Я позвонил Дорте. Мне требовалась поддержка.

– Иди к Джо и крепко обними ее.

Я пошел к Джо. Теперь она, без пальцев на задних лапах, была той, кто нуждался во мне. Я нежно прижал ее к груди. Грусть и утешение смешались вместе. И первое чувство ослабло.

Нинна освободила место для других ежей. Но она никогда не покинет моего сердца. В нем всегда будет особенное место для нее.

В последующие дни я хотел съездить к Сюзанне, но в центр привезли новорожденных ежат. Малышей нужно было кормить каждые три часа, поэтому мне было некогда.

– Здесь оживленно, – сказала мне Сюзанна. – Множество ежей приходит поесть и попить. Но я не знаю, есть ли среди них Нинна.

Я бы хотел поехать и остаться там на всю ночь. Когда я, наконец, нашел время, мне пришлось довольствоваться лишь одним вечером. Однако он был очень насыщенный: ежики за ежиками всех размеров и возрастов бегали по «Раю». Но Нинны не было. Она не пришла. Встретила ли она Трилли? Расцвела ли их любовь? Кто знает. Что ж, это было возможно. Серебряный свет луны мягко озарил эту мысль и мою улыбку.

Глава 27
Мир без жестокости

Лето подходило к концу. Об этом свидетельствовали первые листья, тронутые красным, желтым и ржавым оранжевым. И холодный воздух.

Солнце уже садилось, когда зазвонил телефон.

– Здравствуйте, центр «Ла Нинна», – сказал я.

На том конце провода маленькая девочка сказала:

– Я нашла больного ежа. Вы можете ему помочь?

– Привозите его как можно скорее.

София, так звали девочку, попросила маму рассказать мне по громкой связи, что произошло.

– Мы гуляли у реки и увидели на гравийной дороге вдоль тропинки, по которой шли, но немного подальше, ежа. Он не шевелился. София помчалась ему на помощь, как на крыльях. Но по дороге ехала машина, большой внедорожник. Мы остановились, испугались и велели ей отойти в сторону. Но в ответ она только встала перед ежиком и подняла руки с раскрытыми ладонями, чтобы водитель машины остановился. Это нужно было видеть – такая маленькая, но решительная девочка перед тем джипом.

– О, представляю! София, ты герой, – воскликнул я.

– Они хотели раздавить его! – сказала девочка тонким голоском маленького негодующего ангела.

– Раздавить его? – повторил я обескураженно, не веря.

– Да. А я его защитила.

Поступок этой маленькой девочки покорил мое сердце. Меня тронули ее храбрость, быстрота реакции, непосредственность.

Ее мать продолжила.

– Парень за рулем ударил по тормозам. Машина остановилась в нескольких метрах от моей дочери. Водитель

опустил стекла и закричал в ярости: «Ты о чем думаешь, зачем выскочила на середину дороги?»

София снова вмешалась.

– Я сказала ему, что там лежало животное, которое не могло двигаться. И он закричал в ответ: «Ты что, не видишь, оно полумертвое?» А я ответила: «Ну и что? Раз он умирает, можно давить его своими большими широкими колесами? Дайте мне хотя бы передвинуть его, а потом можете ехать». В это время подошли мама и папа, и они помогли мне перенести ежа на обочину дороги.

Я внимательно слушал историю, одновременно представляя всю сцену у себя в голове, и нашел утешение в этой маленькой девочке, давшей отпор взрослым, всем своим сердцем защитившей беззащитное создание. Посыл Софии был большим, со всей непосредственностью и искренностью ее чувств.

> Дети с присущей им простотой могут научить тех из нас, кто забыл или никогда не хотел учиться. Тех, кому не знакомо сострадание.

И я почувствовал, что, возможно, моя вера в лучший мир не была иллюзией.

Мир без жестокости и безразличия.

«Алло, доктор? Вы здесь? Вы меня слышите?» – «Да-да, я здесь! Извини, София, я задумался на секунду. Я слушаю». – «Доктор, вы можете спасти этого ежа?» – «Я сделаю для него все, что могу. Я вас жду».

Они приехали чуть позже, через столько времени, сколько требовалось на неблизкую дорогу. Когда я открыл дверь, увидел всю семью. Впереди стояла София. Девочка около восьми лет. Светлые локоны и сапфировые глаза, большие, как озера. В ее руках была коробка, а в коробке – еж. Приветственная улыбка сошла с моего лица, как только я его увидел: грязный лоскуток, с трудом борющийся за последние секунды своей жизни.

Я тщательно его осмотрел. Минуты шли, и София не спускала с меня своих голубых глаз. В то время как я старался не поднимать своих глаз, чтобы девочка не увидела в них горькую правду.

– Все серьезно? Вы можете его спасти? – спросила она внезапно.

Ее голос звенел у меня в ушах. Я должен был ответить. Я не хотел огорчать ее, как не хотел, чтобы ее поступок выглядел напрасным. Но я не мог лгать.

– Случай тяжелый, но я сделаю все, что от меня зависит, – сказал я.

День подходил к концу, и родители Софии сказали, что им пора уезжать. Я проводил их до двери и вниз по ступеням. Они уже подошли к машине, когда София воскликнула: «Одну секунду, пожалуйста!» И побежала. Не оставалось ничего, кроме как идти за ней. Я смотрел, как она ласково гладила ежика. Никто не осмеливался нарушить воцарившееся молчание. По-прежнему не говоря ни слова, девочка посмотрела на меня своими огромными глазами цвета моря, заглядывая мне в душу.

– Ты можешь идти, София. Не беспокойся. Я позвоню тебе завтра, – сказал я, мысленно уже подбирая слова для следующего дня, которые не слишком ее ранят.

Они уехали, и я остался один на один с умирающим ежом. У него были многочисленные тяжелые повреждения, один глаз ослеп, передняя лапа была покалечена. Я желал спасти его любой ценой, потому что речь шла о чувствах и усилиях Софии. Но еще и ради него: он смог выжить в природе, по крайней мере, до сих пор, несмотря на серьезные недостатки – травмы глаза и лапы у него появились раньше, они были старыми и уже зажившими.

Задача казалась невыполнимой.

Всю ночь я ухаживал за пациентом, часы отмечал звон с соседней колокольни. Я применил несколько разных способов лечения, но не увидел ни малейших улучшений. Около пяти утра я понял, что перепробовал все. Я укрыл ежа одеялом и накрыл коробку полотенцем с одной стороны, чтобы подступающий рассвет не побеспокоил его. Потом я поставил коробку у подножия кровати, чтобы ежик не оставался один.

Несмотря на его шумное и измученное дыхание, похожее на предсмертные хрипы, я спал как убитый. Я вымотался. Вскочил ото сна через два или три часа. Сел в кровати и понял, что в комнате было совсем тихо. Слишком тихо. Это напряженное дыхание, отдававшееся у меня в ушах и в сердце, прекратилось.

Значит, еж умер.

Как я расскажу маленькой Софии?

Я неохотно поднялся и подошел к картонной коробке. Убрал полотенце. А затем одеяло, накрывавшее ежа.

Протер глаза.

Тот шум прекратился, потому что дыхание стало ровным.

Какое счастье! Я был счастлив за него, за Софию, за себя.

Еж, пусть и не сразу, хорошо отреагировал на мое лечение.

Я назвал его Зои, что по-гречески означает «жизнь». Потому что, в конце концов, он словно родился заново. Признаю, его выздоровление потребовало от меня огромных усилий. Мне приходилось кормить его с ложечки – он не мог есть сам. Но зато, когда позвонила София, я смог сообщить ей хорошие новости. И

был этому рад.

В тот период у меня была волонтер, приходившая помогать мне. Это была милая женщина в возрасте, маленькая и изящная. Каждый раз, качая головой, она говорила:

– Зои не выкарабкается. Это невозможно.

– Верьте в него, – призывал я ее.

Прошел месяц, однажды утром я увидел, как безнадежный пациент ест самостоятельно. Я всегда ставил перед ним тарелку с сухим кормом, стуча блюдцем, чтобы он обратил внимание. Я позвал волонтера, смотревшую за другими ежами.

– Скорее идите сюда, вы должны это увидеть.

Она подошла и начала оглядываться по сторонам.

– Что случилось? Куда смотреть?

Я поднял ее и поднес к клетке Зои.

– Видите?

– Ох! Святые угодники! Зои ест сам! Он сделал это! Ты сделал это!

И так как я по-прежнему держал ее в руках, она продолжала смеяться. Мы оба довольно смеялись.

Теперь он живет здесь, в центре, в уличном вольере. Его преклонный возраст и физические недостатки не позволят ему свободно жить на воле. Он живет в пустом поддоне на подстилке из сена. У него все хорошо. Он ест, гуляет сам по себе, любуется звездами.

Зои был взят под патронаж Валерией.

Некоторое время назад мы с волонтерами начали кампанию «по усыновлению» на расстоянии физически ограниченных или больных ежей. Каждый попечитель получает сертификат, идентификационную карточку ежа, документы с его историей и новости о его состоянии. Разумеется, попечители могут навещать своего ежа в любое время и присутствовать при выпуске на волю, если его отпускают. Нам нравится делать это вместе. Делиться опытом.

Воплощая еще одну мою мечту, мы получили специальное разрешение на организацию попечительства, под нашим наблюдением, ежей с физическими недостатками. Они отправляются к людям, соответствующим определенным требованиям. Они живут хорошей и достойной жизнью на подходящих участках.

Моя мама тоже взяла на попечение одного.

Мама болеет. У нее хроническая эмфизема легких, и она постоянно привязана к кислородному баллону. У нее есть основной баллон для дома и маленький для прогулок.

Ей очень сложно передвигаться, и каждый вдох стоит ей

усилий. Но в вольере во дворе есть этот еж-инвалид. И она, преодолевая свои собственные ограничения, идет к нему со своим баллоном и заботится о нем, даря свои внимание и любовь.

Как и у маленькой Софии, у моей Франкины большое сердце. Большие сердца могут многому научить. Они знают, как отдавать без раздумий.

Глава 28
Капля чистого счастья

Проходили дни и месяцы, были новые истории ежей, новые радости и новые сражения.

В феврале позвонила женщина. Она сказала, что ей требуется помощь.

– Моей самке африканского ежа нездоровится, – объяснила она.

– У меня нет опыта лечения африканских ежей, только европейских, – сказал я. – Вам следует обратиться к ветеринару, специализирующемуся на экзотических животных.

– Я никого не знаю, – ответила она. – Моя ежиха родила ежонка пять дней назад, и с тех пор у нее течет кровь.

– Немедленно привозите ее.

Чтобы не терять драгоценное время, я решил сам проконсультироваться со специалистами. Эта маленькая леди нуждалась в помощи, срочно.

Увидев маму с малышом, я растаял. Ежик был очень красивым. Маленькое 400-граммовое создание (африканские ежи меньше) с белым носиком и парой милых глаз. Маленькая мадам розового цвета с короткими иголками, как у зубной щетки. Само безграничное страдание у последней черты. Но когда к ней подходил ее детеныш, она находила силы, чтобы потереться своим носом о его носик и лизнуть его. Медленно и нежно. Картина материнской любви. Ежонок тыкался в ее живот в поисках соска, чтобы напиться молока. От сосков к носу, от носа к соскам.

Мне было очень жаль эту страдающую ежиху. И, как и не раз до этого, я не находил в этом никакого смысла. Это причиняло мне настоящую боль. Кровь этой ежихи-мамы казалась мне кровью всех невинных созданий в этом мире.

Я немедленно начал действовать. Гемостатик. Антибиотик. Капельница для восполнения потери жидкости. Кальций. Затем я

позвонил в Вейлский госпиталь для диких животных. Описал ситуацию до мельчайших подробностей, и мне сказали, что случай очень серьезный, но ежа могла бы спасти операция. Возможно.

Тогда я позвонил коллеге, работавшему с экзотическими животными, и привез ежа к нему.

– Я не уверен, что она перенесет операцию, учитывая ее состояние. Но если мы оставим все как есть, надежды нет, – сказал он.

– Давай попробуем прооперировать, – решил я.

Я ассистировал. На крошечном животике мы сделали разрез чуть больше сантиметра. Извлекли матку, оставшаяся в ней плацента вызвала кровотечение и распространение инфекции. За ежихой осуществлялось полное наблюдение, и все прошло хорошо. Когда операция закончилась, мы ненадолго оставили ее под кислородной маской. Она проснулась не сразу. Когда она зашевелилась, я положил ежонка рядом с ней. Она облизывала его маленькую головку.

Я обнял моего коллегу-ветеринара. Мы сделали это! Мы ликовали.

Через десять минут после нашей вспышки радости маленькая ежиха пару раз кашлянула. И в считанные секунды умерла.

Образ маленького детеныша, свернувшегося клубочком около мертвой матери, не покидал меня.

Я возвращался домой в мрачном настроении. Ежиху похоронили под вековым оливковым деревом во дворе. Там я хоронил всех умерших ежей. А оливковое дерево цветет каждой весной.

Все, что я мог сделать, – позаботиться об осиротевшем ежонке. Это была маленькая самочка. Я назвал ее Каролиной. Она весила 9 грамм.

9 грамм. Бутон розы весит больше.

– Каролина, ты не закончишь, как твоя мать. Я сделаю все возможное. Я не допущу ошибок. И ты будешь спасена, – пообещал я.

На следующий день у меня была назначена встреча с доктором в Милане. Я не мог ее перенести, поэтому решил взять ежика с собой. Конечно, приняв все необходимые меры. Я подготовил переносной домик с едой. Термос для ее подогрева и две бутылки для горячей воды, чтобы поддерживать необходимую ей температуру. Одну я собирался использовать сразу, и пока она не остынет совсем, планировал остановиться у кафе и там наполнить их горячей водой. После нескольких остановок я

наконец добрался до Милана и припарковался прямо перед медицинским учреждением. Мне не хотелось оставлять Каролину одну в машине, но выбора не было.

Я приехал рано, и уже нужно было поменять горячую воду. Взяв пустую бутылку для воды, я позвонил в звонок.

– Четвертый этаж, – сказал незнакомый голос.

Я поднялся и зашел в офис, настолько роскошный, что мне стало неловко. Меня поприветствовала деловая и довольно надменная секретарша. Ее манерная полуулыбка сменилась озадаченным взглядом, когда я показал ей пустую бутылку и попросил немного горячей воды. Она показала, где находится уборная.

Я как раз выходил оттуда, когда в коридоре открылась дверь. Светило медицины, встречи с которым я ожидал, провожал пациента. Он меня впечатлил. Очень высокий. Доктор увидел меня. Я почувствовал себя как в школе, в окружении самых требовательных, строгих учителей. Он вскинул левую бровь. Озадаченно. Посмотрел на меня, а потом на бутылку с горячей водой. Его глаза расширились от удивления. Мне надо было дать объяснение.

– Я… я… я договорился о встрече… встрече с вами. Для обследования. Но у меня… эээ… маленькое животное в машине, – пробормотал я.

– Маленькое животное?

– Ежик.

– Ежик?

Он повторял за мной и еще больше недоумевал.

Он мерил меня взглядом.

– Ну да. Детеныш. Но это длинная история. Может быть, когда наступит моя очередь, я вам расскажу, – сказал я.

Вот. Я, как обычно, произвел впечатление чудака!

Моя очередь подошла через два с половиной часа. Ожидая, я проверял Каролину шесть или семь раз.

– Доброе утро, профессор, – сказал я.

– Доброе утро. Теперь вы объясните?

Ему было интересно все это время!

– Я ветеринар. Работаю с коровами. Но… – начал я и вкратце поведал ему о Нинне и других. И о Каролине и ее матери. Этот большой, представительный мужчина смягчился. Он был тронут. Задавал мне вопросы. Он хотел знать, понимать.

– Я немного обеспокоен, потому что Каролина в машине, – подытожил я.

– Нет! Принесите ее сюда!

Я побежал за ней.

– Она чудесная кроха, – сказал светоч науки.

К счастью, обследование прошло хорошо. Перед тем как меня отпустить, он сказал секретарю:

– Специальная скидка ветеринару. Ему нужно растить ребенка.

Мы попрощались, смеясь.

Я проголодался. Взял пару веганских сендвичей и остановился в небольшом переулке, откуда открывался вид на собор и площадь. Там я съел оба своих сендвича, наслаждаясь всей этой красотой, а рядом мирно спал маленький ежонок. Капля чистого счастья.

Глава 29
«Не бойся…»

Несмотря на трудности, Каролина подрастала. Теперь она весила 50 грамм. И была необыкновенной и очень милой. Она звала меня особым звуком. Тоненьким «пи, пи, пиии». Ее голосок был очарователен.

Однажды ночью разыгралась вьюга, и мело почти всю ночь. В какой-то момент отключилось электричество. Оно тут же включилось вновь, но затем снова отключилось. Из-за этих перебоев вышел из строя бойлер. И никак не включался. Дом быстро остыл. Стало слишком холодно. Я запаниковал, потому что беспокоился за Каролину. Такая низкая температура была чрезвычайно опасна для нее. Я достал электрический обогреватель и поставил его в комнату, где она находилась. Как только электричество заработало, я его сразу включил. К тому времени на улице выпал почти метр снега.

Следующим утром дыхание Каролины участилось. И она немного похолодела. Я дал ей антибиотик. Но в последующие дни крохе становилось хуже. Я обратился за помощью ко всем экспертам, кого смог найти. Но ситуация не менялась. Однажды утром она позвала меня «пи, пи, пиии…», я подбежал к ней.

– Каролина, ты проголодалась? Сейчас я принесу тебе поесть.

Продолжая говорить, я поднял ее. Но сразу понял, что она угасала.

И так, в одно мгновение, прямо у меня на руках, она испустила свой последний вздох. Я упал в кресло, раздавленный пронзительной, безграничной скорбью. «Я не хотел, чтобы ты закончила, как твоя мать, я не хотел», – шептал я.

Это было несправедливо.

Огромное чувство вины тяготило меня. Какая разница, был я виноват или нет, все равно ежонка уже не вернуть.

Я похоронил ее позднее. Рядом с ее мамой. Положив с ней немного лаванды. На прикрывавшую ее землю я положил камень в форме сердца. Чтобы он защищал ее.

А кругом почти без конца и края лежал ослепительный белый снег.

* * *

По воскресеньям мы с Гретой часто навещали Даниэлу. Она болела. Уже пятнадцать лет. Она была больна, даже когда организовывала то путешествие в Австралию. Рак. Иногда казалось, что он отступил, но потом возвращался.

Даниэла всегда поддерживала мой план открыть центр. Она с энтузиазмом поддерживала все, что я делал. Она любила животных. И природу в целом. И глубоко ее уважала. Она была очень светлым, интеллигентным и мудрым человеком. Она была мне как сестра.

Ее болезнь вернулась, и на этот раз метастазы поразили легкие.

Состояние моей дорогой подруги было очень тяжелым и заставляло нас опасаться худшего.

Когда мы приходили к ней в гости, я рассказывал ей про ежиков, чтобы отвлечь. Она слушала внимательно, с легкой улыбкой. Но ей было трудно разговаривать. Те скудные силы, что у нее остались, уходили на то, чтобы дышать.

Она очень страдала. К грузу моих печалей добавлялась ужасная мука созерцания ее в таком состоянии.

Я не сказал ей, что Каролина умерла. Не хотел расстраивать еще больше.

В одно из воскресений я принес ей фотографию африканского ежика, вместе с сотней других, так как она помогала мне организовывать День ежа. Я показал ее ей, и она разомкнула губы, чтобы что-то сказать. Но не смогла. Рот Даниэлы какое-то время оставался полуоткрытым. Но голос не звучал. Поэтому она показала своим взглядом, что Каролина покорила ее сердце. Затем, очень медленно, она дотянулась и поставила фотографию на прикроватную тумбу, чтобы смотреть на нее в любое время.

Когда мы с Гретой уходили, я помедлил перед тем, как закрыть за собой дверь. Я обернулся и встретился взглядом с Даниэлой.

Она смотрела на меня с бесконечной нежностью. Я

задержался на мгновение, чтобы ответить на ее взгляд. Взгляд, полный добрых слов. И объятий. И идущего от сердца шепота: «Не бойся…» – я ей, а она – мне.

Чрезвычайно насыщенные мгновения, наполненные эмоциями. Глаза, которые не хотели расставаться, никогда. Мы оба чувствовали, что прощались в последний раз.

Мы с Гретой молча шли к машине. Было поздно. Луна, не ведавшая человеческого отчаяния, светила в темноте безоблачного неба. В такой тяжелый момент я не мог вынести этой величественной красоты. Она противоречила моей грусти.

Мы приехали домой и отправились спать. Но я не мог заснуть. То и дело ворочался, думая о Даниэле. Близился рассвет, когда зазвонил телефон. Он стоял рядом на комоде.

Грета вскочила и бросилась к трубке.

– Да… – сказала она и разрыдалась.

Я подошел к ней, уже все понимая. Всхлипывая, она подтвердила:

– Даниэлы больше нет.

Я крепко обнял Грету, пытаясь утешить ее и успокоить мое собственное разбитое сердце.

Я закрыл глаза и обратился к моей подруге-сестре: «Привет, моя дорогая Даниэла. Где бы ты ни была или куда бы ты ни направлялась, возьми Каролину с собой. И ее мать тоже. Они – два беззащитных маленьких создания. Хочешь ли ты позаботиться о них?»

Может быть, мне всего лишь показалось, но я почувствовал ее ответ. Ничего не двигалось в комнате, но висящие рядом китайские колокольчики робко качнулись: «динь-динь». Они говорили: «Да, Массимо…» Нежная вибрация, стихающая в моих мыслях. Возносящая их.

Глава 30
День ежа

Суматоха. В центре кипела работа. Да, потому что я хотел рассказать всем о ежах и их мире, привлечь к ним внимание как можно большего количества людей, устроить праздник и получить помощь. Как можно было втиснуть все эти задачи в один день? У меня была идея – «День ежа»! Какую дату выбрать? Я подумал о феврале, когда хлопот с ежами меньше всего, и выбор пал на воскресенье, 22-е число. Организационная работа началась несколькими месяцами ранее, но теперь праздник был уже на носу, поэтому подготовка была в самом разгаре.

Грета, кроме того, что напечатала множество фотографий наших ежей, также подготовила открытки с милыми и забавными надписями, книжные закладки, постеры, рисунки и статуэтки. Все на тему ежей, сделанное вручную. Она действительно постаралась на славу. И не только она. Другие волонтеры тоже. Вместе мы вдохновляли друг друга, объединяя свои силы. Одна наша очень щедрая подруга предложила место для проведения мероприятия и фуршета – в своей мини-гостинице. Жена моего друга, работающая организатором свадеб, взяла на себя доставку еды и декор помещения, сделав все красиво и со вкусом. Остальные разнообразили меню дополнительными угощениями и горами печенья (в форме ежиков, конечно). Мы оформили познавательную зону с информационными стендами и множеством фотографий наших подопечных и рисунков, выполненных профессиональным художником. Результат получился отличным и превзошел все наши ожидания.

Но этого было недостаточно. Я подумал, что нам нужно что-нибудь еще, чтобы оживить мероприятие. Дарио! Да, мне нужно было связаться с моим другом Дарио. У него была музыкальная группа. Я позвонил ему, и вся группа согласилась посетить вечеринку, включая солиста.

Что еще осталось? Лотерея с какими-нибудь приятными призами? Отлично! Но где раздобыть эти призы? Настало время отбросить стеснение и постучаться в кое-какие двери. Что я и сделал. И нашел гораздо больше, чем надеялся. От издательства я получил книги, журналы, детские игры. Море сладостей от известной во всем мире шоколадной фабрики. Органические продукты от производителя. Марочное вино от прославленной винодельни (включая сорок бутылок «Бароло!»). И многое другое от многих других. Я, Грета, все волонтеры были в восторге и очень счастливы.

А потом… бум. Все резко остановилось.

Потому что Даниэла умерла.

Она умерла за неделю до 22-го февраля, и мне не хотелось устраивать праздник. Я просто не мог.

Но процесс был запущен. Приглашения были уже разосланы, и сотня человек приняла их. Семьи с детьми. Как я мог их подвести? И моим ежикам требовалась помощь. Лекарства, еда, оборудование – все стоит денег. Даниэла обязательно пришла бы на вечеринку и сделала бы ее еще лучше. Поэтому я закрыл глаза и снова обратился к ней: «Даниэла, я планирую вечеринку. И ты будешь присутствовать на ней тоже. Потому что я возьму тебя с собой».

Вечером субботы, 21-го числа, начался снегопад. Непрерывный, тихий снегопад из больших, толстых хлопьев снега. Я был на улице и чистил от снега вольеры ежей, так как никогда не допускаю, чтобы снег полностью покрыл их домики или ведущие к ним тропинки. И я подумал, что при такой погоде никто не придет на День ежа. Я в беспокойстве кидал снег. Было слышно только, как я работаю лопатой. Мои пальцы окоченели до боли. Но мое уныние было еще хуже. Я думал, что дороги, скорее всего, за ночь не расчистят и многие, возможно, останутся дома. На рассвете снежинки стали мелкими и редкими. Они хаотично танцевали в воздухе. А затем пропали. Я не лег спать и остался бодрствовать, занявшись последними приготовлениями для праздника.

* * *

Было 10:30 утра, когда позвонила взволнованная владелица гостиницы.

– Массимо, помоги!

– О боже, что случилось? – спросил я встревоженно.

– Ты должен приехать, – сказала она. – Здесь толпа народа. Я

не знаю, где их разместить! Весь мир явился сюда!

Я поспешил на место, не веря в это. Даже несмотря на такую ужасную погоду, пришли все. Все. Кроме Греты и моей матери. Мама не смогла из-за проблем со здоровьем. Грета помогала мне до последней минуты, но сказала, что не придет. Из-за Даниэлы.

Праздник начался. И он был просто чудесен. Среди гостей был мой отец. Мой кузен Франческо тоже пришел. Здесь находились и друзья. И волонтеры. И много посторонних людей, которые больше не были посторонними. Мне предстояло выступить перед всеми, но у меня никогда не было такой большой аудитории. Мгновение я паниковал. Я написал хорошую речь, но в последнюю минуту решил говорить не по тексту.

Сначала я всех поприветствовал и поблагодарил, затем продолжил: «Сегодня здесь со мной должна была находиться моя подруга Даниэла». Я сказал, что на самом деле она была здесь, потому что она всегда со мной в моем сердце. Я рассказал о ней, с каким энтузиазмом она относилась к моей работе с ежами, о ее любви к природе. Затем я говорил о центре, о Нинне, Каролине, Джо и всех остальных. В холле звучал только мой голос, иногда прерываемый эмоциями.

Когда я закончил, раздался град аплодисментов, и только тогда я заметил, что глаза у всех были влажными, в них стояли слезы. Патриция – она приехала со всей семьей – безудержно рыдала и в то же время передавала платочки всем вокруг. Мой отец подошел ко мне чуть позже.

– Отличная работа, Массимо. Ты сказал хорошую речь. Она была трогательной. От самого твоего сердца к сердцу каждого присутствующего здесь.

Невероятное ощущение – слышать эти слова от него. Я никогда их не забуду.

Заиграла группа Дарио, и их музыка, сопровождая мелодичный голос фронтмена, поплыла по помещению. Праздник проходил хорошо, его кульминацией стал огромный торт с шоколадной глазурью. Конечно, в виде ежа. Я установил свечу наверху. Кроме того, сегодня был день рождения Сюзанны – она тоже была с нами – и мне казалось правильным сделать ей такой сюрприз.

Можно с уверенностью сказать, что первый День ежа имел оглушительный успех.

Потом был второй. Был ли он похож на первый? Нет… он был лучше! Та же атмосфера, фантастический декор, самые лучшие партнеры и по-настоящему веселые поиски клада на улице, благо погода позволяла. В тот прекрасный во всех отношениях и насыщенный день мы также отпустили несколько птиц, спасенных

Центром реабилитации диких животных в Кунео. Их полет ввысь заворожил нас своей поэтичной красотой.

Третий День ежа стал настоящим торжеством. Мне нужно было найти место побольше, потому что список гостей с каждым разом увеличивался. Мы остановили свой выбор на кинотеатре с большой сценой. Как мы преобразили это помещение! Обклеили стены фотографиями, рисунками и плакатами. Поставили четыре длинных стола, накрытых скатертями с вышитыми ежами. Повсюду стояли чаши с плавающими свечами. В отдалении – изящная стойка с сувенирами, флаерами и брошюрами.

Тонны еды: десять видов блюд, все строго веганское. А кто будет развлекать гостей? Замечательный артист – маг и комик в одном лице. Но не только он, еще два титулованных танцора танго. И лаунж-певица. Ее отец негромко играл на фортепиано, аккомпанируя ее нежному, мелодичному голосу. Днем мы показали интересный документальный фильм про ежей.

Я был доволен. Лучшего Дня ежа нельзя было пожелать!

Но…

Но было кое-что еще. Недавно я приютил Лизу, ежонка с многочисленными проблемами. Она была хрупкой, очаровательной милашкой. Я взял ее с собой на третий День ежа, потому что мне нужно было регулярно ее кормить. Она не могла есть самостоятельно. Волонтеры и друзья были в курсе ситуации, они помогли мне расположить ее в маленьком служебном туалете. Он обогревался, и ей там было комфортно.

Праздник был в самом разгаре, когда я ускользнул, чтобы проведать ее. В туалете было очень тесно. В нем с трудом помещались унитаз и маленькая раковина. Я взял Лизу и шприц с небольшим количеством еды и, сидя на унитазе – больше было негде – начал кормить ее.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

– Занято, – крикнул я раздраженно.

Маленький хор голосов ответил, почти шепотом:

– Нам не нужен туалет. Мы хотим посмотреть на Лизу!

Проклятие! Кто-то из друзей или волонтеров проболтался. Я не был против того, чтобы ее увидели, но боялся, что ее могли потревожить. Она могла заволноваться или испугаться.

– Сейчас я ее кормлю, а незнакомые лица могут ее испугать, – ответил я обеспокоенно.

– Мы будем вести себя тихо. Мы очень хотим ее увидеть, – настаивал на своем хор.

– Ну… если вы не будете шуметь, если вы будете говорить тихо, если вы не будете заходить, если вы не будете шевелиться…

Я продолжал давать указания, почти уступив, когда дверь

медленно открылась и из-за нее показалось несколько голов: улыбающиеся, удивленные лица. Они завороженно шептали: «Привет, Лиза». Немного смущаясь своего неудобного положения, я хотел что-нибудь сказать. Но это было неважно. Они все стояли здесь, не шевелясь и не издавая ни звука. Очарованные ежонком. Восторженные. Позже они сказали мне: «Самым лучшим моментом сегодняшнего дня была Лиза. У нее нежный, ангельский взгляд».

Вот чего мы достигли к нашему третьему Дню ежа. Я и все те люди, вместе оказавшие чудесную, нужную помощь. Потому что сила в единстве. Но впереди будет еще много-много фантастических дней, похожих на эти.

Глава 31
Мы оба здесь!

Малышка Лиза, покорившая всех гостей на третьем Дне ежа, на самом деле видела только одним глазом. Но она пользовалась им с такой грацией, что на другой никто не обращал внимания. Я встретил ее в ноябре. Мне позвонил коллега, в кабинет которого принесли ежика. «Кажется, он умирает, и я не знаю, как ему помочь», – раздалось на другом конце провода. Он был прав – быть ветеринаром не означает уметь лечить ежей. Академической подготовки недостаточно, чтобы оказать им необходимую помощь. Я сам узнал это, когда в моей жизни появилась Нинна.

Я поспешил к коллеге. Ежик находился в комнате для осмотра. Я открыл дверь и увидел крошечное создание, лежащее на боку на стальном столе. Даже полотенца не было между ежонком и холодным металлом. Меня передернуло от холода. Я подошел ближе, думая, что ежик уже мертв – он совсем не двигался. Но он продолжал дышать, еле уловимо, очень медленно. Он открыл один глазик и в то же время приподнял голову. Он оставался в таком положении, наблюдая за мной, несколько секунд.

В его взгляде была вся печаль мира.

Я забрал ежика домой. Это была девочка. Я решил назвать ее Лизой, именем таким же милым, как она сама. Я тщательно осмотрел ее и начал необходимое лечение. Но, как и всегда, выполняя манипуляции, старался поделиться с ней спокойствием и теплом. Затем, растворив в воде сахар и добавив несколько капель витамина В с ароматом ванили, время от времени легонько брызгал раствор на ее сухой рот, чтобы немного облегчить ее состояние. Я смотрел за ней всю ночь. Только через сутки появились признаки улучшения, и только тогда она опять подняла свою голову и посмотрела на меня. Как накануне, но подольше. Она даже подняла переднюю лапу.

Будто протягивала ее мне.

Я обхватил ее протянутую лапку двумя пальцами.

Мгновение.

В глубокой тишине дома этот тесный контакт наполнил комнату. Лиза как будто держала мой указательный палец.

Неожиданно.

Я никогда не забуду этот момент.

* * *

Лиза была парализована с одной стороны из-за травмы. Одна сторона работала, другая – оставалась неподвижной, с полузакрытым глазом и обвисшим ртом. Когда она сворачивалась, то не могла полностью закрыться: ее передние лапы касались хвоста, задние – носа. Бедняжка! Я никогда не видел такого случая. Он был очень тяжелым. Я задавал себе много вопросов, как уже делал раньше. Например, с Сальво. Но мне было тяжело думать об эвтаназии после того, как Лиза тронула мою руку своей работающей передней лапой.

Она не могла есть сама. Ей было трудно даже глотать. У меня уходили часы на то, чтобы накормить ее. Дни были наполнены взлетами и падениями, как качели: в один день она набирала вес, и я радовался, на следующий день она худела, и я расстраивался. Постоянная борьба. «Лиза, будешь ли ты здесь завтра?» – спрашивал я ее каждый раз. Держась на волоске, она продолжала жить. Она справлялась. Но на сколько ее хватит? Доживет ли она до Рождества, праздника, на котором царит любовь? А потом до января? А до Дня ежа, моего большого праздника? Вот как все обстояло в ее случае: пугающе неопределенно.

Между тем я обнаружил у нее ужасного паразита и начал лечение. Когда у Лизы резко упал аппетит, я впал в отчаяние. Мне помогла волонтер из центра.

– Массимо, я дала своей ежихе курицу. Ей понравилось! Почему бы тебе не угостить Лизу?

– Ха! Не думаю, что она такая же аппетитная, как влажный кошачий корм, который я ей даю. Но попробую, – ответил я.

Я отварил курицу и смешал ее в блендере с небольшим количеством бульона до состояния однородного пюре. Добавил немного витаминов и набрал смесь в шприц. Я поднес его ко рту Лизы. Ее голова отклонилась назад, как будто она не хотела есть. Затем случилось чудо. Жаль, что я не снял этого на видео. Она начала, насколько это было возможно в ее состоянии, идти за шприцем. Ее охватил безграничный восторг. Ей понравилось.

Она стала набирать вес и пошла на поправку. Мы с волонтерами подготовили для нее особенную коробку. Метр на метр, из цельного дерева и хорошо обшитую внутри, чтобы при ее своеобразных движениях, катясь или падая, она не ушиблась. Фантастическая коробка.

Но.

Мы не обшили ее снаружи, увы, и однажды ночью, когда я босиком бежал к телефону, чтобы ответить на звонок, я споткнулся об ее угол. Катастрофа. Я сломал мизинец. Какая боль! Моя нога распухла, палец стал черно-синим. Но я не пошел в больницу. У меня не было времени. Я лечился сам.

Тем временем в центре царило оживление. Несколько телевизионных шоу приезжали, чтобы снять ежей и нашу работу, и мне нужно было давать интервью. Я был счастлив, потому что все это означало большую аудиторию и возможность повысить ее осведомленность. Но у меня прибавилось работы с ежами, и я начал сильно уставать физически. Кроме этого, я мало спал и не всегда успевал поесть. Несколько раз я чуть не упал в обморок, а однажды вечером мне стало хуже.

Я лежал в кровати и прислушивался к странному ритму своего сердца: нет, что-то было не так. Вдобавок, у меня постоянно покалывало в левой руке. И болело в груди.

Что ж, я мог объяснить боль в груди. Я упал месяцем ранее. Я увидел котенка посреди дороги и остановился, чтобы не сбить его. Он отпрыгнул к вишневому дереву и вскарабкался на забор, за которым были сложены дорожные знаки и оборудование для дорожных работ. Было холодно, и я переживал за того котенка. Я попытался достать его, чтобы взять с собой и помочь. Но он испугался и быстро проскользнул между грудами хлама и скрылся от меня. Что мне было делать? Я заезжал туда каждый вечер, перепрыгивал через ворота и оставлял ему немного еды. Он следил за мной своими изумрудными глазами из укрытий, до которых я не мог добраться. Затем я уходил. Отойдя подальше, я видел, как он выходил и ел.

При очередном прыжке я поскользнулся на льду и ударился грудью о верх ворот. Невероятная боль. Мне даже было трудно дышать. Но это было давно. Могла ли боль в грудине, которую я ощущал сейчас, быть связана с тем ушибом? Возможно? Нет.

Я забеспокоился. Между тем наступила ночь, и, по моим ощущениям, симптомы усиливались. Я позвонил своим друзьям Клаудио и Луизе. Я познакомился с ними на втором Дне ежа. Прекрасные люди. Он работал медбратом в отделении кардиореанимации. И точно мог мне что-нибудь посоветовать.

Он даже не дал мне договорить. Сразу сказал встревоженно:

– Массимо, звони в службу 911.

– Но если меня увезут в больницу, кто будет смотреть за ежами? Кто будет кормить Лизу? – ответил я подавленно.

– Мы возьмем это на себя, я и Луиза. Ты знаешь, кроме тебя, только Луиза умеет кормить Лизу, – успокоил он меня.

Я позвонил волонтеру, которую тоже звали Луиза – как много Луиз в ту ночь! Она жила поблизости и могла меня выручить. Она, благослови ее господи, тут же пришла, хотя на часах было уже одиннадцать вечера. Затем я позвонил по номеру 911. Ожидая скорой помощи, по-прежнему в пижаме, я доковылял до компьютера и сделал подробную карту расположения всех ежей, всего моего маленького госпиталя. И для каждого ежа указал его лечение, привычки и вид и количество корма. Я скрупулезно пересмотрел весь список. Хоть я и чувствовал себя ужасно, но не утратил чувства юмора – добавил заголовок крупным шрифтом: «В случае моей смерти». Необычное завещание, правда? Я улыбнулся, представляя, как кто-нибудь будет читать эти инструкции.

Потом я начал кропотливо кормить Лизу. По крайней мере, она не останется голодной. Она была такой хрупкой. В таком виде меня застали сотрудники службы скорой помощи. Они озадаченно наблюдали за этой сценой. Полуживой мужчина с бледным, изможденным лицом, в пижаме и со страдальческим взглядом, кормящий ежа; и Луиза, мой волонтер, недовольно ворчащая, что она говорила мне оставаться в постели, но я не слушал. Они сказали, что видели много всего странного, но не настолько. Они незамедлительно приступили к проверке моего состояния, пока я в общих чертах объяснял ситуацию с ежами, которые нуждались во мне, а также вкратце перечислил свои симптомы. Они заверили меня, что у меня не было сердечного приступа, но они должны отвезти меня в больницу, чтобы провести дополнительные исследования. «Что ж, если я не умираю, завтра схожу сам», – сказал я. Удовлетворившись этим ответом, они уехали.

Через несколько минут позвонил Клаудио. Они с женой уже выехали.

– На самом деле, тебе нужно ехать в больницу сейчас. С сердцем не шутят, – категорично заявил Клаудио.

Мы с друзьями встретились там. Клаудио остался со мной. Две Луизы отправились ко мне домой – я не смог обойти всех ежей, поэтому они должны были заняться этим. Луизы, Чудо-женщины!

В больнице меня начали обследовать. Помню, я подумал: «Раз уж я здесь и должен здесь оставаться, то могу воспользоваться

возможностью и немного отдохнуть». И мгновенно заснул. Долгим, глубоким сном. Он был мне необходим.

Меня отпустили примерно через сутки. К счастью, врачи не нашли ничего серьезного. Счастливый и отдохнувший, я вернулся к своим ежам. Первым делом я бросился обнимать Лизу: «Малышка! Ты знала, что я чуть не умер раньше тебя? Но мы оба здесь!» Клаудио и обе Луизы оказались незаменимыми и необыкновенными. Просто друзья, да? Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить их.

Когда мне стало плохо, перед тем, как позвонить им, на минуту я подумал попросить о помощи Грету.

Но.

Но между мной и ней постепенно все изменилось. Мы больше не были парой. Это просто случилось, и мы даже не поняли как. Теплота и дружба все еще остались. Но мне не хотелось ее звать. Кроме того, она жила слишком далеко.

Жизнь продолжается. И Лиза по-прежнему здесь, со мной. Ее содержание оплатила девушка, работающая в иностранной компании, – она пишет для нее стихи, в которых говорится, что у Лизы больше колючек, чем шипов у розы, но она прекраснее. Она называет Лизу «древним воином лесов» и «маленьким подарком, сотворенным любовью».

Для меня Лиза тоже – огромный маленький подарок.

Каждый отдельный момент с ней – бесценен, потому что может быть последним.

И эта горькая правда наглядно демонстрирует, насколько хрупко всё и вся.

И красота каждого мгновения.

Поэтому я хочу проживать каждый момент, не теряя времени напрасно.

И остановиться, чтобы обнять маленького воина лесов, бесконечно важно.

Глава 32
Ценность жизни

Где могла быть моя маленькая Нинна? Из какого уголка леса она улыбается луне? А когда наступает рассвет, бежит ли моя крошка-ежиха проворно в свое гнездо, предчувствуя пение первых утренних птиц?

Сыта ли она или хочет есть?

Мучает ли ее жажда?

Или ей холодно?

Помнит ли она меня?

Увижу ли я ее когда-нибудь снова?

Нередко – и, заметив, я сразу поправляю себя – я по ошибке называю Лизу Нинной. Да, Нинна всегда в моем сердце. Знаю, я часто слишком очеловечиваю ее, мою Нинну, и иногда не знаю меры. Я относился к ней, как к дочери. И думал, что оставляю и оберегаю ее из любви. Только позже я понял, после длительной внутренней борьбы, что любовь также означает понимание, принятие и уважение природы другого существа. И что настоящая любовь не требует ничего взамен.

Каждый еж, побывавший в центре или оставшийся здесь, тоже нашел место в моем сердце. Потому что каждый из них оставил свой след. Я вижу Нинну в глазах каждого из них.

Она – это все ежи. И все ежи – это Нинна.

Этот неухоженный маленький ежонок встретился мне где-то три года назад. В нужное время, потому что, я думаю, ты осознаешь и выбираешь определенный путь, только когда к нему готов. Так много всего изменилось с тех пор, как появилась Нинна, что мне кажется, с того мая прошли сотни лет. Во-первых, изменился я сам. Нет, если поразмыслить, не так – больше, чем «изменился», я заново обрел себя. Я нашел ту часть себя, которая была подавлена и хорошо скрыта. Она ждала Нинну, чтобы

проявиться.

Больше никакого самолюбования, но заново открытые ценности.

Ценность жизни. Любви. Помощи.

Ежи – охраняемые животные. Они находятся под угрозой исчезновения.

Но это определенно не единственная причина, по которой я работаю с ними.

Причина в том, что моя помощь имеет значение, даже если это капля в море, она связана с состраданием, словом, состоящим из cum (вместе) и patior (страдаю). Сострадание, то есть сопереживание другим, участие в этом страдании. Это первое, а за ним следует желание компенсировать вред, причиненный другими, теми, кто случайно сбивает или ранит ежа.

Или теми, кто даже не задумывается об этом.

В любом случае, что такое еж по сравнению с миром? Крошечная точка?

Что ж, если посмотреть под другим углом, я так же могу спросить: «Что такое наш мир по сравнению с нашей галактикой?» Крошечная точка.

То есть наша точка зрения в рамках ограниченной действительности, в которой мы находимся, делает все более или менее относительным?

Дело в том, что мы живем в огромной вселенной, где, по моему мнению, важно все, потому что в итоге каждое создание, и я подчеркиваю, каждое создание – является частью изумительной гармонии, которую необходимо беречь.

Но я забочусь о ежах не только из-за точек и углов.

Я забочусь о них, повторюсь, из любви.

Любовь придает смысл жизни.

Погружаясь в работу моего маленького госпиталя, я забочусь о том, чтобы облегчить страдания уставших, бедных, свернувшихся ежей, и стараюсь создать им условия существования, которых они иначе были бы лишены. И здесь необходимо вкладывать душу. В каждое действие. Я так хочу, чтобы моя страсть была подобна очень заразному вирусу, который распространился бы так широко, насколько это возможно, и пробудил добрые чувства вокруг.

Тогда бы каждый помогал другим, будь то ежи, дети, старики или деревья. Если бы каждый вносил свой вклад, из этих капель воды, объединенных вместе, получился бы океан. И лучший мир.

Голос Нинны – это голос всей природы, возмущенной действиями человека.

Это плач вырубленного леса.

Это стон убиваемого биоразнообразия.

Это массовое порицание охотников, без ограничений преследующих жертв на пострадавшей планете.

Это вопль, который хочет разрушить безразличие.

Это крик о помощи, который мы все должны услышать. Чтобы наша жизнь могла продолжаться.

Мне не нужны большие дома и хорошие машины, я не ищу выгоды. Это не моя идея счастья. Я просто хочу следовать своим мечтам, для которых больше нет ограничений. И ловить их в садах. И дать им расцвести. Чтобы я мог поделиться ими.

Мои мечты вторят голосу Нинны.

Нинна, мой первый маленький ежик, я больше никогда ее не видел.

Эпилог

На этом месте книга заканчивается, но история моих ежей и центра продолжается.

Иногда, по вечерам, я бываю на том участке земли, который купил рядом с «Раем» Сюзанны, – еще один рай.

Я сижу там на траве, в которой кипит жизнь, на краю леса, и зову: «Нинна, Ниннааа…» И в некоторые волшебные ночи, словно сошедшие со страниц сказок, мне приносит ее ветер. Когда деревья открываются ласкам ветра, каким-то образом она приходит. Тихо, как музыка ангелов, в мое сердце.

Благодарность

Матери и отцу – да, в первую очередь я хочу поблагодарить их обоих. За всю любовь и помощь, что я всегда получал от них. Я знаю, что они всегда беспокоятся за меня, и мне очень жаль. Они волнуются за мое здоровье, потому что я трачу все свое время и силы на своих ежей, забывая о сне и еде. Что ж, отчасти они правы; знаю, иногда я дохожу до крайностей, но я выбрал этот путь, и он мне по душе. Если мое тело немного страдает, так тому и быть. Франкина и Марио, скажу вам здесь: не переживайте так сильно…

Особая благодарность моему кузену Франческо, постоянно помогающему мне с ежами, ангелу-хранителю моей Франкины.

Хочу поблагодарить Ремиджо Лучиано, который помог мне открыть Центр спасения ежей «Ла Нинна», подразделение Центра реабилитации диких животных в Кунео, основателем которого он является. Я благодарю его за помощь и постоянную поддержку. Чтобы узнать больше о его центре реабилитации, перейдите по ссылке: www.centrorecuperoselvatici.it.

Я благодарю Дорте Мадсен за ее бесценные советы. Она моя ходячая энциклопедия о ежах и их мире! Нас связывает крепкая дружба, скрепленная большой любовью к природе, включая ежей, и глубокой взаимной симпатией. Дорте руководит Центром реабилитации «Пиндсвиненесхаб» в Транбьерге, в Дании.

Спасибо Джулии Параккини и Джерарду Манджагалли. Благодаря подробным наставлениям Джулии я смог все начать. Без нее было не обойтись! И я всегда обращался к Джерарду в более сложных случаях, бывавших в центре. Джерард является членом, а Джулия – вице-президентом «Милано Натура», ассоциации, годами оказывающей помощь ежам и другим животным. Чтобы узнать подробнее об ассоциации, посетите www.milanonatura.it (на сайте также можно узнать, как спасти найденного ежа).

Спасибо Сюзанне и всем моим дорогим друзьям, так или иначе поддерживающим меня. И среди них отдельное спасибо Энрико за распространение сделанных им трогательных фотографий моих ежей. И фотографу Бруно Муриальдо, которому удается передать эмоции в кадре.

Спасибо Андреа Бровида, если бы не он, я бы никогда не встретил мою Нинну!

Еще одна особая благодарность всем прекрасным волонтерам, по очереди помогающим мне в центре, – они просто незаменимы.

И я хочу поблагодарить Антонеллу Томазелли. Встретившись однажды, мы оказались на одной волне и быстро стали друзьями. Она выслушала историю про меня и моих ежей и своей волшебной и изящной ручкой превратила ее в эту книгу.

Ссылки

Британское общество защиты ежей www.britishhedgehogs.org.uk

Вейлский госпиталь для диких животных www.valewildlife.org.uk

Лечебница для ежей «Хеджхог боттом» www.hedgehog-rescue.org.uk

Британское объединение фондов охраны дикой природы www.wildlifetrusts.org/hedgehogs

Госпиталь для диких животных «Тиггивинклз» www.sttiggywinkles.org.uk

Центр спасения ежей «Приклз» www.prickleshedgehogrescue.co.uk

Немецкое объединение защитников ежей «Про Игель» www.pro-igel.de

Ассоциация защитников ежей «Амичи дель риччо» www.ricci-in-difficolta.ch/it

Иллюстрации

Все началось с нее – моей Нинны.
Сверху: моя малышка тихо спит.
Снизу: уже взрослая Нинна посреди поляны в разведке.
(фото Массимо Ваккетта)

Сверху: стесняшка Нинно и только появившийся в Центре совсем мелкий Джио.

Снизу: Трилли в великолепной форме, весом в 1,5 килограмма, в день выпуска. (фото Массимо Ваккетта)

Сверху: Селина и повзрослевший Джио. Они вдвоем до сих пор живут в Центре, в большом вольере. На этом фото выражение их мордочек мне нравится особенно!

Внизу: Зои, старая, слепая и хромая ежиха, которая, несмотря на увечья, довольна жизнью и всегда не прочь поиграть! (фото Массимо Ваккетта)

Сверху: я и моя очаровательная Лиза, маленькая лесная воительница (фото Бруно Муриальдо).

Снизу: Каролина, когда она родилась, то весила меньше, чем бутон розы, но при этом умудрилась похитить мое сердце. (фото Массимо Ваккетта)

Сверху: всего пара дней после рождения.

Снизу: спустя неделю жадно кушаем молочко. (фото Массимо Ваккетта)

Сверху: ежик в возрасте трех-четырех недель.

Снизу: последнее и вечноголодное приобретение Центра. (фото Клаудио Коцино)

Сверху: двухмесячный ежик.

Снизу: еще один почтенный инвалид – Сиси. (фото Энрики Чиваси)

Сверху: приемная Оздоровительного Центра «Колыбельная» оборудована для маленьких гостей. (фото Бруно Муриальдо)

Ниже: релаксируем после ужина. (фото Энрики Чиваси)

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b